

ПЕСНИ ДЖИННОВ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Впечатления – это следы, оставленные кем-то или чем-то в сознании. Так обычно понимается. Что такое «сознание» и как в нем могут оказаться следы – лучше не уточнять, а то запутаемся. Когда кто-то скачет или когда кого-то волокут по заснеженной земле – получаются разные следы. В общем, следы – это то, что остается, и впечатления – то, что остается и даже удерживается в мыслях. Но мысли тут не обязательны. Впечатление можно не осмыслять, оно может вспыхивать или мерцать, не входя в мыслительный поток. Оно может сниться или появляться в болезненном бреду. В общем, впечатление – это некий остаток.

Вы можете восстановить свои старые впечатления от, скажем, кино? Ясно, что полноценно их восстановить не получится, но хоть как-то. Вам лет десять, вы сидите на диване, смотрите на экран, там происходит нечто, и оно откладывается в вашем сознании, заставляет вглядываться. Оно может быть совсем неясным, непонятным, но почему-то оно всплывает, когда вы закрываете глаза и засыпаете. Попробуйте. Вы, скорее всего, наткнетесь на одну сложность: впечатления от кино не так просто отделить от впечатлений от мира вообще, и разобраться, где проходил странный человек с большим круглым лицом, тот что остался в памяти: в кино или мимо вашего подъезда. Или он вообще приснился, а в этой реальности его и не было. Но если приснился, то он тоже стал частью реального – его же можно вспоминать, его жизнь можно домысливать. То, что в нас остается – гремучая смесь трудновыразимых образов и ощущений. Иногда человек там прячется, это его темное логово, заполненное призраками. Причем тут призраки – об этом чуть позже.

Есть несколько образов-событий... и я никак не могу разобраться в памяти: видел ли их в кино или они произошли в привычной жизни. Соседи за столом что-то не поделили. И мужчина средних лет плеснул заварку из чайника на портрет умершего родственника, на фотографию в рамке на стене. Как я мог при этом присутствовать? С другой стороны, а что это за фильм? Человек на черно-белой фотографии – спокойный, налитой, уверенный. А тот сосед, что вылил содержимое, видимо, разгневался, направить гнев на кого-нибудь из живых не хватило смелости, а на покойного можно.

Второй фрагмент. Мой отец стоит у дерева и смотрит на наше окно. Льет дождь, он мокнет, но продолжает неподвижно стоять. Это явно не сюжет из фильма, он не мог попасть на экран, но вполне мог соединиться с чьим-то образом. Возможно, так стоял и смотрел на окно не он, а некий персонаж, но в сознании этот персонаж стал именно им. И окно было, естественно, не наше, а чье-то. Да, и еще звучала трогательная музыка, похожая на то, что было в фильмах конца 70-х. Вы можете представить такую картину и поставить музыку Рыбникова, к примеру. Одинокий человек стоит, где слезы, где дождь – непонятно, и играет что-то вроде «ветер весенний, ночной, принесет тебе вздох от меня».

Есть важное различие между просмотром фильмов тогда и сейчас. Тогда мы не могли их пересматривать по своему желанию. Сейчас же есть возможность пересмотреть любое кино, остановить, отмотать назад или вперед. А раньше мы могли смотреть лишь то, что показывается по телевизору, никак не влияя на содержание, не имея толком никакого выбора. Это было похоже на поток времени, в котором ты существуешь. Вернее, на три потока, потому что было три канала. Ты можешь выключить, включить, выбрать один из трех каналов, установить громкость, и все. Правда, были редкие люди с видеомагнитофонами, можно сказать, зажиточные, по-своему воспринимавшие советскую действительность. У них, наверняка, было другое восприятие кино. Однажды меня кто-то спросил, не помню, кто именно, что бы я сделал, если бы у меня оказался видеомагнитофон. Я почему-то ответил – помню прекрасно этот ответ, что останавливал бы фильмы и перерисовывал кадры в тетрадку. Зачем-то. Сейчас не просто понять, откуда возникло подобное желание, а оно естественно: это желание захватить проматываемые образы, сделать так, чтобы их можно было разглядывать.

Телевизор был чем-то вроде форточки в иной мир, порталом в то, что не имеет отношения к реальному. Никто не видел тех людей, что показывались там, да и более того, никто не знал никого, кто бы их видел. Наш бывший сосед дядя Саша иногда заходил к нам, спрашивал разрешения посмотреть телевизор, садился прямо на ковер, обхватывал колени и втыкал в мельтешащие картинки на экране, почти не моргая. Вообще, у него была какая-то особая чувствительность, он мог выйти поутру во двор и заголосить как чайка.

Про чаек, кстати. Они залетали к нам во дворы, копались в мусорных баках, возили клювами по асфальту целлофановые пакеты с красной жидкостью. Соседи говорили, что это из-за того, что в море не стало рыбы, им ничего не остается, как заниматься неведомым чем, удивляя ворон и голубей. Все это в тишине. Но иногда они болезненно вопили. Будто эта тишина скапливалась в них и вырывалась наружу как отчаянное крикание. И дядя Саша так же. Он смотрел телевизор с какой-то нездоровой жадностью, боясь пропустить важное послание. Сейчас-сейчас там произнесут нечто драгоценное, касающееся его сущности. Час-два, никто ничего не произносит, но сейчас-сейчас это случится. Спросят: «Дядя Саша, ты внимательно смотришь?» Да, внимательно. Это хорошо, ты молодец.

Зачем все это смотреть? Действительно, это было непонятно, но многие привыкали жить при включенном телевизоре. Уже чуть позже, в начале 90-х, подобная жизнь оказалась дорогим удовольствием, стало не так просто оплачивать счета за электричество. Но опять же, находились лазейки. Если счетчик располагался внутри квартиры, а не на общей лестничной клетке, на него, бывало, вешался магнит, и он переставал крутиться. Такие дела наказывались огромными штрафами, и те, кто умудрялся так жить, годами хоронились от рыщущих контролеров. Не надо открывать дверь абы кому, внимательно смотреть в глазок, если позвонили. И все, можно смотреть телевизор без ограничений.

Когда-то хотел написать рассказ о поселении типа нашего. Несколько дней подряд шел дождь и вместо двора образовалось озеро, ну или пруд – как-угодно. Жители

взглянули в отражение неба в воде и увидели там ангелов. Сколько оставалась вода во дворе, столько виделись ангелы. Кто-то из жителей сразу же пошел молиться, решил поменять свою жизнь, а у кого-то ничего не поменялось. Даже не помню, как собирался закончить этот рассказ. Дома вокруг сравнивались бы с краями огромной чаши, а вода – с ее содержимым. И люди старались словами не подтверждать, что они видят, а лишь поглядывали друг на друга, пытаясь убедиться, что это не их собственная галлюцинация.

За последние пару лет пересмотрел множество советских фильмов, особенно фильмов рижской киностудии, пытаюсь прочувствовать ритмы. «Мираж», «Он, она и дети», «Сад с призраком», «Долгая дорога в дюнах» – все это я видел в детстве, и какие-то фрагменты этих фильмов слились со снами. Актерская пластика там совершенно иная, ее трудно представить помещенной в современное кино. Актер работает не со своей ролью, он работает с пространством вокруг себя, создавая некую ауру, эту ауру и цепляет камера. Если он не обращает внимание на пространство вокруг себя, он выпадает из кадра.

Фильмы рижской киностудии – это детские сны, темные и скучные. Но сны и должны быть скучными, иначе человек не отдохнет.

Когда-нибудь расскажу всю правду про Латвийскую ССР 80-х. Ну как всю... Ту, что знаю.

Все это было похоже на кропотливую работу пожилого художника. Он брал нежные оттенки голубого и серого, еще светло-коричневого, без спешки смешивал, болтал кисточкой в литровой банке, наносил на холст, тихо-тихо, бережно-бережно. Под крики чаек, под взгляды моря, под шепот бездны, под замершие улыбки умерших соседей.

Белые журчащие барашки на волнах, пыль в воздухе, изображение в зеркале, разделенное на три части, все-все-все в предвкушении. Есть рядом невидимая сущность, она нас и обнимает.

Бабушка перебирает вещи в шкафу, перекладывает облигации, свои медали «Героя труда» (или медали за трудовую доблесть, забыл к своему стыду) и напевает песни Толкуновой. Полы деревянные, скрипучие, в дверях мутный глазок, в подвале старые велосипеды и бесконечные банки с вареньями и соленьями. Наступит зима, будем все это уплетать.

Прекрасно помню один июльский вечер 83-го года. Мы находимся около восьмого корпуса, не происходит ничего в плане событий, но воздух пропитан каким-то теплом и вниманием, понимаю, что мне надо идти домой, бегу к своему подъезду, поднимаюсь на четвертый этаж, дальше – смотрю с балкона туда, откуда прибежал и слышу легкий гул – гул существования. Это благодать, она окутывает всех нас. И это ощущение – не мое, оно наше общее. Все чувствуют это и не знают, как выразить, просто неподвижно улыбаются.

Определенно, мне непросто об этом вспоминать, сразу начинает нести куда-то. А

дальше там ведь начинается боль, совсем другие образы... Если когда-нибудь буду снимать это, придется реветь каждый день на площадке, к концу съемок снова не останется нервов.

Это звучит наивно, правда? Но ведь наивное звучание во-многом и формирует культуру.

В складках одеяла можно разглядеть драконов. Или историю похищения возлюбленной из замка, с погоней за лодкой, идущей по ночной воде, с говорящей рекой, которая укрывает героев. Может, так и с детскими впечатлениями. Они надежно хранятся в памяти, а когда выходят наружу, вызывают со стороны лишь недоумение.

Еще раз. Впечатления от кино не так просто отделить от впечатлений вообще. Где это происходило? В кино, во сне или в воображении? Или это подслушанный и домысленный рассказ? Это нигде не происходило, но почему-то четко осталось в памяти.

11 мая мне приснилась «теория впечатления». Сначала это был старый двор, я плыл по нему, а цыган стоял рядом, улыбался и подбадривал. Затем весь двор покрылся туманом и вся эта дымчатость показалась источником будущих впечатлений. Из нее можно лепить то, что произведет впечатление.

Эта дымчатость – субстанция, из которой будут построены впечатления от кино, литературы, живописи. И, возможно, все они заложены в том дне, во дворе детства. Вас впечатлил фильм? Он отчасти там уже был показан. Впечатлила картина? Она рисовалась тогда внутри того тумана.

РИТМ

В 1917-м году появилась работа музыковеда Леонида Сабанеева «Ритм». Сначала там рассматриваются примитивные определения ритма вроде схем длительностей. Затем описывается желание уйти от временных искусств, и понять, что же такое ритм вообще. Приводятся разные идеи ритма как порядка, и в итоге автор выдает удивительное. Ритм – это принцип наименьшего действия в искусстве. Еще он пишет, что форма должна поглощаться содержанием, иначе «принцип ритма не воплотится». Также там звучит «то, что кажется источником стеснения, на самом деле оказывается источником красоты». Убирание лишнего, проявление прекрасного через ритм...

Это же то, чем я занимался почти всю сознательную жизнь.

Варез говорит о ритме как о скрепляющем принципе, о том, что не позволяет рассыпаться. У него еще были движущиеся тела умных звуков как составные части пространственной музыки. У него много интересных высказываний, например, то, что субъективно шум – звук, который не нравится. Еще он заметил интересную вещь, что индийская мелодика, проигранная задом наперед, имеет плавное течение,

практически такое же, как и при нормальном воспроизведении и что восточным музыкантам западная музыка кажется не плавной, скачущей.

Интересное ведь замечание... чем отличается западная музыка от восточной? Восточную можно проиграть в обратном порядке и она останется по сути собой, а западная вызовет недоумение.

А Джон Кейдж задает ритм просто как отношения между отрезками времени.

Ни у кого нет такой чуткости к времени, как у музыкантов. А кто докапывался до понятия ритма так как Мессиаан... Он приводит десятки определений ритма и пытается нащупать нечто более тонкое, чем эти формулировки. Он блуждает между Бергсоном, Фомой Аквинским, магическими системами и индийскими теориями ритма.

Монологи Мессиаана – один из самых интересных текстов за последнее время. Он говорит, что птицы поют лучше на рассвете и закате потому, что вдохновляются цветами неба.

Когда только услышал Мессиаана, показалось, что это хтонический Шнитке. Музыка очень кинематографична, она звучит как закадровая. На экране происходит нечто. Хотя никакого экрана и нет. Есть мозаики из цветных камешков, раскрашенное время.

(У Бергсона возникает время-как-время и время-как-пространство, он прислушивается к чистой и пространственной длительности, пытаясь понять, что ближе восприятию. Время как тик-так.)

Ритм – то, что не дает рассыпаться бытию.

(Компоненты ритма по Мессиаану. Порядки таких понятий как: долгота, интенсивность, высота, тембр, рельеф, пауза... у него пустоты внутри текста согласуются с музыкальной тишиной. Дальше он устанавливает странный закон ритмичности, связанный с периодичностью, необратимостью и симметрией. Необратимые ритмы повсюду...)

Что еще интересно... он считал, что музыкальная культура, если не вся, то мелодическая, была заложена до человека, в мире птиц. Истоки всех мелодий там. Человек понемногу раскрывает то, что чувствуют птицы.

(Послушал десять раз «Праздник прекрасных вод».

Было Нечто, что разделилось на музыку и язык. Там был ритм как принцип.

«Звуковые облака», «звуковая пыль» Мессиаана могут быть найдены в кино. «Облака образов», «образная пыль». Они отличаются прозрачностью, плотностью, интенсивностью.

(Итак, «облака образов» и «образная пыль»... Из них склеиваются сны. Есть еще кое-что. Когда ныряешь под воду, но оставляешь глаза открытыми. Внеобразная

глубинность. Из этих трех и складываются сновидения.)

У Лигети есть описание детского сна. Он в своей комнате, но не может пробраться к кровати из-за множественной плотной паутины. Там же все облеплено насекомыми, все это колыхается и меняется. Этот сон оказал сильное влияние на его дальнейшую деятельность. Мне представляется, что это был не совсем сон. Лучше назвать данное состояние визионерским выбросом. Такое случается. Комната, в которой человек спит или проводит много времени, остается привычной, но заполняется неведомым чем. Странными гостями, мерцающими существами, светящимися кузнечиками, мотыльками, и медузами вместо люстр. Со мной случилось схожее, в 2012-м году в Принстоне. Спустя пару лет случайно наткнулся на копию увиденного, листая творчество пациентов психиатрических больниц. Как будто мы находились в одном месте, в одно время, смотрели на эту живность у потолка одними глазами.

Есть у Лигети композиции, похожие на шелест насекомых, с пробивающимися голосами неведомого. Хор дрожащих мелких существ.

КОНЕЦ АВГУСТА

15 августа проснулся ночью от своего крика, а сон был такой. Старая квартира, стою у дивана, слышу, что зашли люди, выхожу в коридор – это кто-то незнакомый, они проходят, располагаются, меня не видят. И тут понимаю, что я для них как призрак. Там еще был странный момент с поздравлением одноклассника с новым годом. Он прислал видео, будто в данную минуту он с друзьями смотрит мой фильм и тем самым поздравляет меня – от этого поздравления стало жутко почему-то. Весь день думал, что же там было жуткого, даже настолько жуткого, что вызвало пробившийся наружу крик.

Что случилось со мной в августе, не могу пока осмыслить. Кажется, я надорвался. Что случилось, действительно? Да просто ежедневная работа над нашим сериалом привела к новым состояниям. Каждая секунда работы была пропущена через психику, и в итоге это случилось.

26 августа

Меня положили под капельницу и влили нечто янтарного цвета, сказали, что сначала меня качнет в другую сторону, а затем начнется «подъемчик». Вернулся из больницы домой, замолк и съезился. Пролежал так непонятно сколько. А затем пошagal по квартире, быстрым шагом туда-сюда, и так раз сто.

29 августа

Была свадьба, мне стало плохо, я вылез по горке и направился в сторону.

Шел вдоль реки, по солнцу до метро. Оказался в бочке для квашеной капусты, сверху захлопнули крышку. У метро совсем вскрыло, показалось, что это невозможные

пейзажи, и добраться до дома не получится. Стал спрашивать дорогу у всех подряд.

Также показалось, что меня отзеркалили. И иду по дороге не я, идет мое отражение в зеркале. Дома завернулся в одеяло и уснул.

Кажется, что я в доме детства, лежу в квартире на четвертом этаже под треугольной люстрой, дальше железная дорога. Электричка так далеко, а я слышу ее так хорошо – это удивительно. Все слегка дрожит и ожидает. Как у Лигети, хор дрожащих существ, только он собран не из насекомых, а из хрусталя в секции, из механизмов электричек, из стеклышек на люстре.

31 августа

Случилась затяжная паническая атака, часа на четыре. Если бы встретил в литературе подобное описание, не пережив подобного, отнесся бы со смесью сочувствия и недоверия. Похоже на падение в бездонный колодец. Цепляться за стенки можно, но руки соскальзывают – там негде прятаться, а человек прячется почти всегда, он прячется в своей привычности, отделенной от внешнего потока. «Ничего страшного не происходит» – такое прозвучало, и более того, показалось, что в этом состоянии содержатся драгоценные фрагменты. Можно коснуться своей души. Всякую новую чувствительность можно использовать для поиска благодати.

Можно дотронуться до своей души! Как дотрагиваются до чего-то выставленной рукой в темной комнате.

Через два дня повторилось нечто похожее. Как только положил голову на подушку, почувствовал дрожь в теле, лицо начало сводить, появилось не просто беспокойство. Нечто подцепило сознание и прикрепило его на нитку, как на поводок. Казалось бы, можно мыслить как раньше, но нет. Меня держат и отводят в сторону, возвращают в болезненный поток.

Обычное равновесие, к которому привыкаешь и которое не замечаешь, пропадает. Ты оказываешься на качелях, смотришь глазами на дрожащий воздух и не знаешь, куда тебя качнет, какой волной накроет.

Показалось, что смотрю мультфильм, как кто-то выгуливает луну.

В такие моменты в памяти вспыхивают странные фрагменты. Они совсем не яркие, их даже сложно назвать событиями. Скорее некие случайные взгляды, собранные проживания.

Даже не знаю, сколько мне лет, мы с мамой идем вдоль нашего дома, в окнах зимнее ожидание праздника, бумажные снежинки приклеены к стеклам, свечения и... это же было в том самом сне, где одноклассник рассказал о праздновании нового года и из-за чего я закричал. Я так четко вижу все это и не могу объяснить, что за глубинное Нечто там присутствует.

Или лес. Деревья неважны, важна почва, она вздутая, похожая на пузырьки, прижатые

друг к другу. Мое тело подвешено в воздухе, некая сила опускает и поднимает его, подводя лицо близко к земле и от прикосновений возникают легкие вспышки паники. Каждое прикосновение – возвращение в прошлое, этот мох – метафизика вообще, кладовка причин. Трогать все это болезненно.

Насколько же там по-другому работает память... Но об этом чуть позже.

Восприятие музыки в этих состояниях совсем иное. Раздражительность сменяется давящей необходимостью, появляется ответственность в плане слушания музыки. Нельзя слушать что-угодно, возникает ответственность за прослушивание. Музыка становится способна разъедать.

В этих состояниях почему-то по-кругу слушал две композиции: Moby – A Case for Shame и Latika's theme Рахмана.

Но самым-самым оказалось Mittwochs-Gruss Штокхаузена. Даже непонятно, чем эта композиция так приворожила и заставила переслушивать себя день за днем.

4 сентября

Прошлись с Пашей Додоновым по вечернему городу, сказал ему, что очень хочу уснуть, но без колес, а просто вспомнив, как люди обычно засыпают. У меня сбита нервная система и я разучился засыпать. Еще мне больно обсуждать музыку почему-то.

Стоял на Невском и качался как тростник. Паша вызвал мне такси до дома.

Но в эту ночь я не смог уснуть, хотя и не спал до этого уже... сколько?? непонятно, сколько.

Ходил по комнате и повторял про себя, что хочу снова научиться засыпать, как все люди, как было всегда. Лег и уснул – как этого добиться?

Интернет завален видосами о том, как снять панические атаки. Покрути рукой, повинти ногой, поморгай, подыши, спой песню. Говорят, кто-то ложится на землю и ест песок.

5 сентября

О. отвезла меня в лес, мы остановились в домике без электричества, развели костер, я искупался в озере. Мы сидели с ней напротив друг друга у костра и ничего толком не говорили, а я думал, что люблю ее больше своей души. Удивительно, но я смог там уснуть ночью. Сознание потянуло в усталость, свернулся улиткой и уснул.

14 сентября

Две недели панических атак. Они приходят ночью, примерно в два часа, и будто стоят в дверях и ждут, когда наброситься, как мелкие собачки. Дальше подкрадываются и

кусают. У меня дрожат губы, горит лицо, волны выбрасывают в беспокойное бодрствование, подхожу к черному окну, там ничего не происходит.

В конце второй недели настолько все это надоело, что когда пришли собачки и загорелось лицо, я устало прошептал «это снова вы...» и даже не открыл глаза.

Н. сказал, что скоро атаки исчезнут, надо подождать еще немного. Н. помогал эти дни, рассказывал всякое о стрессе – я ничего не запомнил, по итогам наших бесед сложилось впечатление о нервном теле как колючей ауре, которая легко рвется.

Весь сентябрь я пытался выйти «оттуда».

В начале октября начал смотреть лекции Штокхаузена и задавать вопросы Олегу о теории музыки. Все из-за этих состояний. Мы встретились в кафе с Олегом и Наташей, они достали телефон с установленным пианино и за полчаса объяснили октавы, лады, тональности. То, что я понял, можно свести к простому описанию. Классическая музыка строится как дыхание. Есть зона приятного звучания, в нее возвращается слышимое после того, как блуждает, эта зона уютна, в ней успокаивается слух. Вдох и выдох реализуются малыми путешествиями с возвращениями в понятное и привычное. Тоника притягивает и поглаживает восприятие, можно сказать, убаюкивает. Так устроены тысячи произведений, так устроено кино, так устроена литература. Через пульсацию иного и привычного. Привычное может не быть чистым возвращением, как в «Тристане и Изольде» Вагнера, на него можно намекать, приближаться к нему или вообще лишь поглядывать в его сторону.

Тоника – это узнавание «своего». Неудивительно, что именно те состояния спровоцировали интерес в музыкальной структуре. В тех состояниях не получается вернуться в «свое», из-за этого и возникает паника. То, что привычно, о чем не задумываешься обычно, становится зыбким, к примеру, дыхание или движение по памяти.

Связь восприятия музыки и тонкости дыхания – вот, что пытался разглядеть «там».

ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ

Сейчас нужно перескочить на рассказ о К. Так вышло, что в сентябре, я много общался с людьми, прилично старше себя. С Н. и К., например. Они помогали.

К. рассказал о своем ученичестве вот, что. Три этапа или фрагмента.

К. в самой юности заинтересовался химией и пошел в Дворец Пионеров, в кружок. Преподавал там студент химического факультета. Они сдружились с К., и этот студент, вскоре, к слову, отчисленный и исчезнувший, раскрыл необычный подход к реакциям и соединениям. Так К. узнал об алхимии, о философском камне, о преобразовании вещей.

Вторым знаковым моментом оказалась поездка в трамвае. К. было около пятнадцати лет, он сел в трамвай, на заднее сиденье, и поехал по центру Ленинграда. То ли он возвращался с кружка, то ли наоборот, ехал в сторону Дворца Пионеров. На одной из остановок зашла строгая женщина в пальто и платке. Она села рядом с К., взяла рукой его мизинец и принялась его тереть. После этого она стала раскачиваться в ритм движения трамвая, покачивая при этом и К. Она вышла так же тихо и неприметно, как и зашла, на одной из остановок. А когда К. покинул трамвай, он понял, что изменилось его восприятие.

Комсомольцев тех лет отправляли на многочисленные стройки, и не только стройки, было много комсомольской работы, но работать санитаром, выносить нечистоты за немощными, никто не хотел. К. отправили в качестве повинности на Валаам, там находился дом инвалидов, известный как «лагерь» – поселение с сотнями искалеченных войной людей. Нужна особая вовлеченность, чтобы описывать те видимые страдания, звуки и запахи. Это похоже на другую ступень человеческого существования, выше или ниже привычной – не знаю, но нужно иметь глубокое сострадание, или наоборот, безразличие, чтобы находиться изо дня в день в этом внутреннем вопле.

Одним днем старшина подозвал К. и сказал, что есть «объект» и хорошо бы на нем поработать. Оказалось, что одним из тамошних обитателей был бывший военный, без рук и без ног – его держали в отдалении от остальных, помещали в сетку, натянутую на обруч и вешали на дерево. Его-то и назвал старшина «объектом». Там было три сплетенных дуба, и свет особым образом проникал к нему сквозь густую листву. Тело его дурно пахло, а его физические страдания даже сложно представить. Если при ампутации одной конечности возникают неслыханные фантомные боли, сводящие с ума, что говорить про состояние, когда человек остался почти без тела.

К. согласился ухаживать за этим подвешенным человеком. Работа не то, что неприятная, с ней невозможно справиться, если не отбросить всякую брезгливость. А дальше должно было что-то произойти, и оно произошло... К. услышал шепот, и этот шепот стал заполняющим весь слух, он исходил от этого человека. В общем, это был бурятский шаман, потерявший во время войны руки и ноги, он и стал главным учителем К.

За четыре месяца общения, К. изменился полностью, даже телесно иссушился, его мировоззрение стало иным. Шаман давал знаки и задания, не только шепотом, но и с помощью жестов, используя обрубки рук. Это могло быть наставление смотреть на заходящее солнце определенным образом или найти камень. Они много читали книги из библиотеки тех мест, то ли монастырской, то ли светской. К. нужно было внимательно перечитывать фрагменты текстов, запоминать их. В итоге К. прошел через шаманскую инициацию, породившую «видение вещей».

«Мировоззрение» – интересное слово. Можно родиться и проживать теплое советское детство, заинтересоваться полетами жуков, записаться в химический кружок в Дом Пионеров, затем, следуя комсомольским заданиям, пройти шаманские инициации и получить иное «мировоззрение».

С К. мы странно общались. Сказал ему как-то, что меня никогда не интересовала материя, в плане смешивания жидкостей или понимания движения или течения. Не могу представить, что серьезно отношусь к каким-нибудь колбам, смесям и порошкам. Ртуть, золото и застывшая вода. Лаборанты, повара, специи, едкие запахи, хлорка, ампулы и все такое.

К. представил программу, что мне надо делать, чтобы избавиться от панических атак и восстановить нервы. Там были своеобразные физические упражнения, упорядочивание образа жизни и вообще. К примеру, надо было принимать первую еду после часа и сорока минут после пробуждения, практиковать напряжения и расслабления мышц и тому подобное. Когда только открываю глаза, следует не вскакивать, а совершать движения ногами и руками, а затем подниматься через кувырок назад.

К. спросил, как я засыпаю. Верно ли, что бегу вдоль железной дороги, поглядываю на лес слева, сворачиваю к речке, поднимаюсь на возвышенность и прыгаю в воду, оказываясь во сне? Нет, совсем не так. Он посоветовал попробовать засыпать, находясь в засмоленной лодке, уплывая в открытое море.

Еще К. рассказал о встречах с Гаврилиным и Шнитке, показал недавние записи в блокноте. Учитель ему когда-то дал наставление детально и тщательно все описывать, все ощущения, особенно в состояниях, близких к смерти. И сейчас, когда он готовился умереть, вернее, как он говорил «отделиться от физической оболочки», нужно было записывать все аккуратно и правдиво. Также он сказал одну пугающую вещь, или не говорил, а она сама услышалась... Он собирается нырнуть в орнамент, находящийся рядом с Колпино. Прозвучало это жутковато.

Увидел сон, он пронесся в восприятии как «самый интересный сон вообще». А когда проснулся, весь сюжет сходу расплескался, кроме пары образов. Что там было? Какое-то приключение, мы крались, пытались найти клад, там были фургончики бродячего фокусника, со световой сигнализацией – когда к ним приближался кто-либо, чтобы похитить тайны, пространство заливалось мягко-красным светом, там была какая-то древняя семья, хранившая заговоры, еще кришнаиты, лестницы, и процесс познания как рождение. Но полноценно описать сюжет никак не получается, весь этот «самый интересный сон» превратился в разрозненные пятна.

Случаются ведь состояния «общего понимания», похожие на сновидческие озарения. На привычном человеческом языке это крайне сложно выразить, как и описать причудливый сон, построенный не на образах, а на ощущениях. Да если даже и на образах... эти образы могут иметь значение лишь для смотрящего, а при пересказе они превращаются в абсурд.

25 сентября

Увидел удивительный сон. Будто апокалипсис. Мир, как существовал раньше, начал распадаться, возможно, так выглядит ядерный взрыв, но в замедленном видении. Мне удалось взлететь и посмотреть на происходящее сверху. И тут появилось нечто совсем

скрытое, как цветок, который тайлся и ждал мгновение, когда распуститься. Или словно Божественное присутствие снова вернулось в мир. Прозвучал голос, но внутри, а не извне: «Мое имя: Аминь. Аминь. Аминь.» И все. И проснулся. Под сильнейшим впечатлением.

ОКТАБРЬ

Итак, весь сентябрь я пытался выйти «оттуда», мне помогали.

13 октября

Вечером был показ фильма. После него подошел бритоголовый парень в спортивной одежде и сказал, что записывает мультики со своими плюшевыми игрушками, говорит за них разными голосами и спросил, можно ли ему следующий раз прийти с игрушечным медведем и нас с ним сфотографировать.

У нас в фильме четыре главные роли. У нас есть примерно месяц, чтобы найти актеров.

Когда вы начинаете делать кино, вы садитесь вместе с оператором и художниками за стол и прикидываете ответы на общие вопросы. Как будет двигаться камера? Какая крупность изображения допустима? Вы заглядываете в будущее, в момент, когда фильм снят и нужно приступить к монтажу, представляете очередность кадров, сочетания цветов, ритм повествования. Иногда эти обсуждения повторяются день за днем и занимают месяц или два. Ваша задача – расслышать и освоить некий киноязык, на котором будет рассказана история.

К примеру, первый кадр. Взгляд сначала скользит по смятой скатерти, затем переходит на перекрещенные руки, лежащие на столе и темно-пепельные волосы. Голова спрятана, лица не видно, кто-то дремлет и не знает, что за ним подглядывают. Он может пробудиться от вопля за стеной или звука упавшей капли. Когда он пробудится, растерянно повертит головой. Тут-то мы его и разглядим. Получится простое и понятное задание главного героя.

Возникает естественный вопрос: а кто смотрит на этого человека? Чей взгляд передает камера, и принимает зритель? Возможно, это некий невидимый дух, парящий по комнате и подсматривающий за жизнью персонажей. Или ангел. Это тоже можно обыграть. Сонный взгляд перемещается по сторонам, затем натывается на нас, зрачки расширяются, глаза дергаются. Как будто он что-то или кого-то разглядел – сквозь пленки и наслоения на мгновение предстали силуэты тех, кто за ним наблюдает.

При написании текста встают похожие вопросы. Как только мы начинаем прорисовывать персонажа, сразу же всплывает вопрос: а кто мы такие, что имеем столь детальное представление о его жизни? Если, конечно, мы описываем этого персонажа в третьем лице. Он встал и пошел. Откуда мы знаем, что он встал и пошел? Там ведь в комнате никого больше нет. Или есть? Там есть мы – люди, занимающиеся

описанием чужой жизни. Мы находимся в комнате вместе с ним.

Нет, все равно ничего не понятно. Мы достаем героя из своего воображения? Населяем мир вокруг него какими-то персонажами, выдумываем ему жизненные обстоятельства и перипетии? Зачем этим заниматься, если мы можем провести все повествование от первого лица и четко заявить, что мы – это мы, не воображаемые, а здешние, с полной палитрой чувств и страстей, с достоверным опытом и идеями. Возможно, что-то нас стесняет, появляется некая неловкость. Не хочется обозначать так прямолинейно себя как себя. Лучше предъявить кого-то другого и наделить его собственным видением, и сразу всех предупредить, что «он» – это не «я», у него своя жизнь, а совпадения с тем, что есть у «меня» объясняются просто: ведь «я» о нем рассказываю и то, что не могу разузнать, домысливаю, исходя из того, что сам проживал.

Введение главного героя – это всегда ответственность. Его нужно представить чуть в более ярком свете, чем тот, что там реально сияет, необходимо вызвать симпатию к нему у незнакомого зрителя или читателя. Иначе никто не сможет дочитать текст до конца, всем будут безразличны его ощущения.

(В окне огромный лысый человек в черной куртке неподвижно стоит и смотрит на падающие листья. Черное на желтом выглядит как флаг неведомой страны. Он похож то ли на бандита, то ли на заблудившегося карапуза. Очаровался осенью и застыл. Сейчас придет в себя, разгонится и взлетит над нашими пятиэтажками, как воздушный шар.)

17 октября

Мы закончили съемки «Путешествия». Последнюю сцену снимали ночью в поезде. А когда утром вернулись по своим домам, оказалось, что почти у всей группы химический ожог. Кто готовил поезд, пропитал там все хлоркой. У нас чесались лица, руки, слезились глаза, в общем, было не очень приятно, мы держали головы под струями воды, и спрашивали друг у друга подтверждения, что происходит одно и то же. К вечеру все прошло. Мы сняли удивительный фильм, и, видимо, фильм не захотел нас безболезненно отпускать, хотел сниматься дальше, поэтому все так и сложилось.

21 октября.

Сегодня во сне читал свою новую книгу. Во сне крайне редко получается читать, строчка за строчкой, иногда удается лишь выхватывать области текста, как при проблемах со зрением, когда расплываются края. Там было про Брюса Ли и некоего Пипу. Читал и недоумевал, как такое можно написать.

Сегодня произошло нечто странное. Я должен был лететь, приехал в аэропорт, нас посадили в автобусы, довезли до самолета, но не выпустили, а повезли обратно, затолкали всех в терминал и сказали, что поступил некий сигнал. Рейс отложили на пару часов для начала. Зачем-то я сказал, что не полечу, вышел из той зоны, где все ждали, сел на такси и уехал. Ехал и думал, что это глупость. Надо было подождать и

полететь, а теперь так. А небо было необычайно тихим. Бирюзовые краски и пририсованные трубы с застывшим дымом, золотистые дорожки из огоньков. Кто-то взял кисточку, смешал самые точные оттенки, провел по небу, а затем приблизился ко мне, сидящему в этой машине, и пояснил: это была лишь очередная паника, как в сентябре. Уже октябрь, а ты еще в тех болезненных ощущениях. Самолет сломался – самолет починят, нужно было лишь подождать. Необходимо уснуть, проснуться и омыть лицо.

А если только джиннам разрешается смотреть прямо в камеру? Джиннам и тем, кто их замечает. Потому что за камерой тоже джинн – мы смотрим на происходящее его глазами.

22 октября

Джиннов много. Некоторые обитают на пустырях. Кого-то из них поработают с помощью воткнутой иглки. Вообще, истории джиннов часто связаны с властью. Кто кого поработил, кто кому навредил.

Не надо ходить оголенными полями, лучше искать другие дороги до дома. А то там ютятся джинны, заметят, прицепятся. И не убежать, и не отмахнуться.

Итак, мы вводим в повествование джиннов, обитающих там, где звучит музыка. Они «разбираются» в музыке лучше людей? У них ведь иная органика. Если человеческая музыка строится на дыхании, то... Каким образом устроено восприятие музыки джиннами? Джиннам не нужно прогонять через себя воздух, чтобы существовать, поэтому все человеческие ритмы, возвращения, пульсации, могут быть им непонятны.

(По Ницше искусство приходит из сновидения и опьянения.

Искусство приходит из дыма и дождя. К небу и от неба.)

В гипотезах лингвистической относительности типа Сепира-Уорфа, можно заменить «язык» на «театр» или «ритуал». Получится ритуальная относительность. Влияние театра на мышление. Даже такой простой момент как длительность литургии может говорить о терпимости, о восприятии времени, об ожидании, о протяжности внутри сознания.

А «кино» сюда пока что не подходит. Кино занимается слишком разорванными впечатлениями.

Кино как туман, оседающий на сознании...

Смотреть кино также тяжело, как засыпать – нельзя позволять мыслям затаскивать себя в свои подворотни.

30 октября

По улице худой ребенок вез изрисованного фломастерами розового демона больше

своего роста на тележке. Вся эта нелепая конструкция шаталась, и как не падала – непонятно. Я снова в Индии.

Улицы залиты ядреными цветами: ядовито-салатовым, пылающими оттенками оранжевого, тут дома и одежда как гирлянды, все вызывающе цветастое, а иногда и даже кислотное, как длинная и долгая галлюцинация. Для ярких кадров художникам не надо красить стену в красный цвет – уже все покрасили без них, и еще зафактурили, по всей стране, приходи и снимай. У нас совсем не так. У нас все спрятанное, притаившееся, у нас если вылезешь наружу излишне ярко, тебя сметет сама стихия, а люди поддерживающе покивают, типа не стоило так. А здесь птицы орут, все мельтешит, рисуется, все бытие хочет оказаться замеченным. И еще воздух плотный и видимый глазами, нет необходимости запускать дым-машину, все и без того пропитано. Воздух со специями и благовониями, и надо все это так снимать, чтобы запах виделся глазами.

НОЯБРЬ

По округе слоняется огромный буйвол с острыми рогами. Перемещается и застывает, как ленивая туча, облепленная мухами. Тут всего несколько дорог по холмикам, если выйти в любое время суток, на одной из них будет он стоять. Закатное солнце поглядывает на него и спрашивает: ты где сегодня? Здесь? Хорошо, стой там, завтра увидимся. Возможно, у него есть внутренние приключения, о которых никто не знает. Или наша жизнь ему кажется суетной и бессмысленной. Мы, как и здешние собаки, слишком быстро перемещаемся и не вникаем в ароматы этих мест.

(Небо нагрелось и закипело.)

2 ноября.

Болливуд – гигантская стена, за которой творится всякая жуть.

Это было несколько лет назад, холодной весной. Люди сгибались и закрывали лица от ледяного ветра. Там было некое вневременное ощущение, будто все заморожено, а люди прячутся не от ветра, а стыдятся смотреть друг на друга. (да вообще, человек чаще всего прячется от холода и стыда) Мы сидели и общались. Про собеседника не буду сообщать ничего, все это был частный разговор и не предполагалось, что его высказывания станут известны вовне. И вот, он сказал, что с детства все советские мультики наводят на него тоску, он не видит, чем они отличаются друг от друга, они все унылые, то ли дело диснеевские мультики... а голливудскую культуру он считает вообще самым ярким и ценным, что когда-либо существовало в кинематографе. Эти слова меня очень впечатлили. Хотя бы потому, что все эти ощущения совпали с моими, только наоборот. Для меня всегда советские мультики представляли некую россыпь разнообразных соцветий, бредовую и удивительную, а диснеевские – однообразие, как впрочем, и практически весь Голливуд. И вот, мы сидели и смотрели друг на друга, и я не понимал, как же так получилось, что мы видим эту часть мира противоположным образом. Есть линзы, в которых изображение переворачивается. И тут было такое чувство, что между нами поставлена такая линза, мы оцениваем то, что видим, не просто по-разному, но перевернуто.

Когда хотят обесценить деятельность режиссера, говорят, что у него все фильмы одинаковы. Когда хотят обесценить что-либо, выходящее в разное время, говорят, что не видят отличия одного от другого. Можно сказать, что это «очередное», различающееся по сути лишь временными обозначениями. Как только написал это, решил уточнить для себя, что такое «разнообразие», и спустя короткое время открыл «Различие и повторение» Делеза. (хотя там четко прописано, что различие, разнообразие и искажение – все это «разное») Примерно на строчках о том, что философская книга должна быть похожа на детектив и фантастику, в дверь постучали. Как будто книга вызвала этот стук.

Пришли представители индийского продакшена. Мы сели, стали обсуждать. Спросил их, могут ли порекомендовать актрису на роль девушки с признаками шизофрении. Они ответили, что могут, и начали показывать супермоделей, мисс мира, неких победительниц модельных конкурсов... Это замечательно, но есть сомнения, что эта роль им подойдет, это же русское авторское кино, несколько странное. Сказали, что нет, именно такое кино интересно. Ладно, чего мне спорить...

После этого мы поехали. Ехали-ехали, приехали не туда, после чего люди стали искать место под названием Джуди. Кажется, что-то из последнего Твин Пикса. А когда приехали в Джуди, там оказались портреты некоего депутата на стенах, где он говорит с трибуны, улыбается, объясняет, а за столом сидел и он сам, только состарившийся.

Под вечер мы переехали в католический дом с цитатой из псалма на двери. Здесь мы проведем месяц, после чего направимся в Варанаси.

Это разнообразие? Или же предсказуемая рутина?

Ну, и к чему это все? К Болливуду. Оттуда Болливуд видится как сверкающее танцевальное безумие, как разбрасывание цветов, беганье между деревьями и пение тонким голосом. Отсюда Болливуд видится как сложная и яркая подвижность, мечты и стремления тысяч, если не миллионов, погруженные в движения капитала. Все хотят в Мумбаи. И сегодня за столом индийские коллеги сказали, что я этим фильмом начинаю большую дорогу в Болливуд, то есть, тоже направляюсь туда же – в Мумбаи. Ответил, что вряд ли, что занимаюсь несколько иным – они сочли это за скромность и посмеялись. Все туда хотят, все режиссеры мечтают снять кадры с тысячами танцоров, синхронно плещущихся в лепестках роз -- там красиво и разнообразно. Еще они отметили, что мы находимся в волшебном доме и наши желания, которые загадываем сейчас, сбудутся.

Болливуд – гигантская стена, за которой творится красивая жуть. И такое чувство, что все-все-все тут относятся к нему с легкой насмешкой, как к прилавку наивных образов, при этом, преклоняются – как некой природной силе, урагану или непрекращающемуся дождю.

У Делеза в главе про различие, упомянуто черное небытие и белое. А тут еще есть розовое. Сознание окунается в бесконечные лепестки и поглощается, но все это

происходит с неким кайфом, дающим надежду, что это не совсем небытие.

4 ноября

Пришли улыбающиеся бородатые люди. Пришли и сели. А у меня было выступление в Сибири по зуму. Началась гроза, я стал бегать по дому, искать, где лучше работает связь – а люди все сидели. Это немного беспокоило, не особо прояснялось, что им нужно, а времени поговорить не было – приходилось бегать и отвечать на вопросы зрителей. Они сидели и водили глазами за мной, а я наблюдал за ними, все еще сидят или уже встали и что-то делают. Потом стало ясно, что эти люди хотят сняться в кино. Конечно, не проблема, будет кино, будут и роли. Кино – это запуск своего образа как летящей в вечность птицы, за закат мира. Они ведь похожи на джиннов, смогут скитаться по пустырям и петь песни. Снимем без вопросов. Тут и жарко, и холодно, как всегда, солнце выжигает округу, бледные собачки замирают и моргают. Скоро мы что-нибудь поймем и начнем снимать кино.

Что с моей памятью? С ней «там» случилось то же, что и с восприятием музыки. Не получается безответственно блуждать по ней как раньше, она стала похожа на рельефную карту с болезненными зонами. Есть множество воспоминаний как меток внутри памяти, в которых нет ничего такого, никаких особых травм или сантиментов, но к ним больно прикасаться. Почему-то. Прохождение по ним вызывает укачивание, легкую тошноту, будто это карта пористого мира, внутри дыр которого случается турбулентность. Воспоминания как воспоминания. Но в них тяжело находиться. Ни ностальгии, ни сожаления, ни стыда, но есть иное чувство, совсем непонятное. Память взъелась на человека за безответственное пользование.

Спросил Олега, почему он занимается музыкой, он ответил, что музыка – это свобода. Ты летишь куда хочешь, ничто тебя не сковывает.

Музыка, память и... еще кое-что надо добавить: и дыхание, движение воздуха внутри.

Первая часть фильма, которую условно можно определить как «представление персонажей», вполне может строиться как дуракаваляние. Это «ничего не происходит» содержит не только внутренний ритм, а показывает некий сон картины. Персонажи еще спят, они плавают вдоль обстоятельств и не принимают никаких радикальных решений. Так устроено почти все. Кроме сказок, само собой, в сказках герои сразу оказываются внутри круговорота. Нашел золото, отправился в путь, прилетел и улетел дракон, красавица превратилась в утку, а покрывало в речку – за пару страниц можно обалдеть от странностей и интенсивностей калейдоскопа образов. В остальном же, все тихо. Зрителя или читателя погружают в начальную рутину. «Ничего не происходит» необходимо для того, чтобы что-то произошло.

8 ноября

У меня есть давний друг, он похож на облако. Иногда он закрывает глаза и повторяет одну и ту же фразу, пытаюсь попасть в нее, словить равновесие. Пока не попадет, не может дальше говорить. Он часто оказывается «не здесь», его похищают привидения, затем возвращают на место. И вот, он ночью написал письмо, я проснулся в четыре

ночи, сразу же прочел. Он написал, что Юра скончался в психиатрической больнице.

И даже неважно, что я не знал этого Юру. Стало больно за него.

Там грустно и тяжело. И зеленый свет.

В апреле, когда готовился к съемкам, приехал в больницу к знакомому врачу, в принудительное отделение, и в самые жесткие палаты внутри него. Привязанные люди кричали и ждали. Что там еще было... Это даже не жуть. Спросил врача, каково ему годами там находиться. Он ответил, что эти страдания не такие уж ужасные, как кажутся, все эти люди у стен в основном спят, да и те, что бродят по коридору, тоже спят, здесь спит вся природа, и медсестры, а врачи занимаются в основном заполнением бумаг и отчетностью.

Ладно...

На улице вихри из стрекоз, солнце плавит округу, буйвол перемещается от тени к тени – все как обычно.

Узнал поговорку: Kos-kos par badle pani, char kos par badle vani.

Тут, действительно, языки перетекают друг в друга. Иногда удивляешься, почему он так своеобразно говорит на хинди... а дело в том, что он просто использует слова из хинди, а грамматическую структуру берет из своего родного языка.

То же самое делаю я сейчас. Беру фрагменты чужой культуры и погружаю их в «свое». Получается нечто диковинное. Конечно, я должен снимать кино не об индийских полях и песнях, а о своих болотах, туманных деревьях, колдунах и карточных шулерах, или о бедных людях, выглядывающих из хрущевок. В Индии я сам как чудо света – бледное и нелепое. Остальные наши здесь выглядят еще смешнее, они даже не понимают языка, они бродят по улицам как хмурые пятна, не нашедшие покоя в своей земле.

Но как есть. Почему-то мы здесь оказались. Надо сделать что-нибудь интересное.

Все это напоминает затянувшуюся галлюцинацию. Такое начало. Мне 14 лет. Мы идем по песчаной дороге с Э., смотрим на дымное небо, подъезжает человек на велосипеде, говорит, что мне стоит заняться медитацией. Дальше все проносится как калейдоскоп: бусы, четки, пуджи, павлины в книжках, зарытые гирлянды в Аллахабаде, кричащие женщины в синих сари в Гувахати, призраки около ашрамов, собаки с красными мордочками в Тарапитхе, поезда в Бенгалию и обратно, мумбаиские мосты, переплетенные провода над головами, абхишека, сиреневые дома, темные поезда, песни джиннов. И вот, я здесь. Или нет. Внутри галлюцинации трудно понять, «где» кто-либо находится. Позанимался медитацией. Тот человек на велосипеде щелкнул меня по носу и все, завтра в школу не пойду, я режиссер, снимаю кино в Индии, а в начале 90-х к нам завезли сильные галлюциногены.

Днем разморило, я упал на подушку и исчез.

Там было серое блуждание внутри, затем точеный шарнирный человек в шляпе с приклеенной улыбкой, блестящие глаза мистера Пури в углу. Нырнул в этот блеск и растворился. Когда проснулся, оказалось, что проспал всего несколько минут. Как там идет время, тоже непонятно.

9 ноября

Сегодня мы сидели в ночи на церковной лестнице. На небе висела половина луны, а рядом горел красный крест.

Драматургически меня мало, что так впечатляет, как Деяния. И всегда так было. Как только узнал о существовании этого текста, показалось, что в нем содержится какое-то волшебство. Так и случилось. Вознесение, создание церкви, Пятидесятница, тень Петра исцеляет людей. И лишь в конце седьмой главы появляется Савл, причем как свидетель сцены. И ничто не предвещает, что это главный персонаж книги. Затем трижды случится описание одного и того же события, чуда, произошедшего в его путешествии из Иерусалима в Дамаск. Три раза описывается одна и та же история. Такое есть еще хоть в одной книге Библии?

Рассказал об этом Л. и Ю., отметив, что хотел бы попробовать выстроить иную нарративность, чтобы в первой трети фильма не было ясно вообще, кто является главным героем картины, чтобы мы погрузились в атмосферу и стихийные взаимоотношения, и первичное повествование не велось через кого-либо конкретного. В наших фильмах такого еще не было, мы сразу обозначали героев и прикреплялись к ним. Самое близкое из того, что мы пробовали в этом ключе, это фильм о любви. Там ключевые персонажи не задаются четко, а скорее спонтанно выносятся из среды, главную героиню мы впервые встречаем лишь на 16-й минуте повествования, и не догадываемся, что это она. Но при этом герой проявляется на первых же кадрах. А здесь хочется его вывести из общего движения не сразу. В первой части пусть он появляется лишь эпизодически, не особо обращая на себя внимание.

Л. сравнил этот подход с картинами Брейгеля, с попаданием зрителя не с той стороны. Как в «Падении Икара» непонятно, где Икар, или в том же «Обращении Апостола Павла». Ты заходишь в театр через служебный вход и смотришь спектакль из-за кулис, замечая при этом то, что обычный зритель не должен видеть. Оказывается, что разглядывать повторяющего текст актера, нервно бродящего туда-сюда, интереснее, чем происходящее на сцене.

11 ноября

Вам хочется во время просмотра фильма подбежать к экрану и погладить лицо персонажа?

Сегодня ехали на такси по дороге. Прямо перед нами опустился шлагбаум, скопились мотоциклы. Один человек торжественно слез с мотоцикла, пролез под шлагбаумом и принялся поливать рельсы водой из бутылки, будто ритуально, совершая омовение

дороги для прибывающего поезда. Вылил все содержимое, гордо посмотрел на остальных.

В ночи позвонил Р., проговорили два часа. Он боится выехать из Америки, у него там такое положение, что обратно не сможет вернуться. Он скитался по Китаю, Непалу и Индии, попал в индийскую секту, поменял имя, после чего прилетел в Америку. В один день он направился на випассану в небольшой городок, заблудился, подошел к прохожему, показал карту на телефоне, спросил, как добраться. Этот прохожий, обитатель тихого захолустья, взял телефон и пожелал, чтобы Р. отдохнул, так и сказал, типа отдыхай, парень, ну телефон надо ведь вернуть, завязалась потасовка, приехал мент на машине и сказал Р., чтобы тот исчез в течении десяти секунд. Р. ответил, что ничего дурного не сделал, а этот чел только что собирался отжать его телефон, там были камеры, на которых все это должно быть видно, но мент повторил, и добавил, что если тот не свалит прямо сейчас, он его арестует. Р., как справедливый человек ответил «арестовывай, я ничего плохого не сделал». Дальше мент повалил Р., надел наручники и отвез в место, где Р. полностью раздели, отняли одежду, нацепили оранжевую робу и браслет, и дали кучу бумаг на подпись. А когда Р. сорвал этот браслет и отказался подписывать бумаги, его отвезли в тюремную дурку, набросили одноразовую накидку как из туалетной бумаги и кинули в холодную камеру, где он плакал и орал, и всем было безразлично. Там был целый круг из таких камер и вопящих от беспомощности людей. Почему-то его определили как суицидника, которому не полагается одежда. Возможно, у них такая традиция, и они лечат суицидников холодом и унижением, намекая на то, что они уже умерли. Дальше Р. рассказал о судебном процессе, о том, как его загоняли в какие-то стойла, как никто не хотел ничего слушать, как он оказался в агрессивном кафкианстве, которое ничуть не похоже на то, что показывается в кино, где «вы имеете право на адвоката» и так далее, никакого адвоката, никакого звонка в посольство, а только потоки людей, на которых остальные люди смотрят как на вшей, полное бессилие и давящий кошмар. После этого он пересмотрел Америку, но остался там жить, борясь с ненавистью в себе.

13 ноября

А весь Дели сегодня в смоге, отменяются полеты, над городом будто вытряхнули гигантский мешок с черной пылью. Город сливается с облаками, очертания теряются, вереницы утренних машин поглощаются темным небом.

Говорят, это последствия Дивали, так каждый год, сначала устраивают фейерверки, затем в них сами задыхаются.

Сегодня мы с Л. долго обсуждали оптику. Мы собирались снимать на анаморфоты, на линзы типа Кова, но, пересмотрев несколько фрагментов и световые пробы, закрались сомнения. У нас ведь документальный стиль, он предполагает спонтанное существование не только актеров, но и пространства, без лишних выставлений. А если фонари размазываются по экрану, это отвлекает. Это выглядит как легкий выпендрейж. Складывается впечатление, что между зрителем и происходящим расположено еще одно стекло, непонятно зачем. Как дополнительное напоминание, что все это нереально. Я предложил использовать старую советскую кинооптику, на которую мы сняли Путешествие. Она задает умеренную мягкость и не отвлекает.

Эта мягкость сглаживает даже движения, погружая все видимое в плотный воздух. Как широкая одежда скрывает недостатки тела. Излишняя контрастность отрезвляет, выбрасывает из сна, скидывает иллюзии. Тебе эту сказку читала не Шахерезада, а старшая медсестра, и это была вовсе не сказка, а правила поведения в отделении.

Линзы похожи на глаза китов, страдающих галлюцинациями.

Подходишь к киту, вглядываешься в его глаз, а твое отражение там размывается, а фонари за спиной расползаются в хаотичных бликах.

Если в тяжелых глазах китов видятся световые грибы, то ясное дело, это анаморфоты.

14 ноября

На хинди прошлое – бхууткаал, то есть буквально «время призраков». Те, кого мы видим на экране – призраки, они все это делали «тогда», но создается иллюзия, что это происходит сейчас, ты садишься в темном зале и проживаешь все это заново. Есть существенная разница между музыкой и кино, музыку или ее подобие можно исполнить заново, а с кино такое практически невозможно. Кино случилось во «времени призраков», мы можем лишь прожить его снова в нашем созерцании.

Джинны бродят по пустырям и снимают свои фильмы.

Сегодня посмотрели фильм «Утренние поезда» 63-го года.

Здесь такие раскаты, будто все копится-копится, а затем взрывается. Над землей висит огромное ведро, оно собирает дождь, и когда переполняется, переворачивается, и вся скопленная вода сплошняком падает на землю. Собаки, буйволы и птицы застывают в ужасе, а люди наслаждаются прохладой. И все-все питаются запретными ароматами – они запретны, ведь их в обычной жизни нет, они просачиваются только при ливнях. Ошалевшие животные и довольные люди вылезают из укрытий и вдыхают. Во время таких вспышек здесь выключается электричество, перестают работать кондиционеры, и вскоре дождевая свежесть заканчивается, воздух становится липким и тяжелым для дыхания.

15 ноября

Л. написал, что сценарий этого фильма может походить на партитуру и напомнил о вертикальном монтаже из статей Эйзенштейна. Монтажная схема и музыкальная схема соединяются и становятся образным путеводителем. Это можно реализовать, если сначала услышать фильм. Например, во сне. Пробудиться, задержав ту мелодию из слоев тамошнего существования, записать ее в нотах и подстроить всю образность под получающееся чередование.

Включил местный фильм. Видимо, очень популярный. Уже не первый раз сталкиваюсь в подобном. Кадры сменяют друг друга почти каждую секунду, ракурсы кажутся случайными, а еще используются удивительные ускорения и замедления,

застывающие капли пота, летящие с волос, или капли крови, с дальнейшими промотками, с очевидной закадровой музыкой – такие клипы по два часа, цветастые мельтешения с яркими и напыщенными формами. Как джангл 180bpm, внутри которого еще рассказывается история. Кажется, что человеческая психика не способна такое воспринимать без дополнительных стимуляторов. Если закинуться чем-то, можно посидеть и покивать, а так... не знаю.

Хотя нет. Человек принимает практически любой ритм, даже тот, что кажется поначалу невозможным. Достаточно погрузиться на пару дней и распробовать. Человеческий вкус способен принять что-угодно, даже самые диковинные россыпи образов и звуков, самые неестественные колебания, не имеющие ничего общего с сердцебиением и дыханием. Если человек свыкается с болью, холодом и голодом, что уж говорить о ритме.

Киновкус у человека формируется под влиянием разных обстоятельств. Человек и сам не замечает, как его подхватывают и уносят ритмические и образные потоки, как его обкалывают мелкими иголками и вводят растворы.

Мне физически тяжело смотреть то, во что не дают вглядываться. Если перед лицом стоит некто, постоянно щелкающий пальцами, а порой и проводящий этими пальцами по глазам. Но, думаю, недели смирения будет достаточно, чтобы привыкнуть и даже извлечь какую-то радость.

Начинает казаться, что Болливуд – это метафора. Никто не знает границ и форм, никто его толком не видел, это же не только разбросанные студии, производящие масалу и попкорн, не индустрия снов, но и в целом вся светская жизнь миллиардной цивилизации, весь гламур, вся поп-культура. Та самая розовая бездна. Полистал по утру, кстати, списки звезд Болливуда, покончивших с собой, это внушительный список, но педалировать эту тему не хочется, это слишком безответственно. Если человек не выдерживает и вешается на люстре, это еще не значит, что эта розовая бездна его сожрала, там может быть всякое.

Болливуд – это здешнее стремление, и почти каждый плакат на улице, каждый рекламный щит, работает как указатель – надо туда.

16 ноября

По улице шел пожилой солидный индеец, седой и благообразный. Шел и на ходу подбрасывал в небо свою желтую рубашку, стараясь запустить ее как можно выше. Рубашка надувалась воздухом, застывала на мгновение, затем падала ему в руки. Получался нелепый воздушный змей, или воздушная свинка, вряд ли способная взлететь.

«Если философ будет слушать радио, он погиб» – Ксенакис. В том смысле, что философу лучше слушать лишь внутреннее радио, вещающее из его сознания к его разуму, а не говорящую обо всем подряд коробку. Такой эпиграф дня. Ксенакис много говорит о теорвере, вообще у него деятельность похожа на покерную. Л.В. на днях прислал разноцветные таблицы колдколлов в позициях – вполне себе таблицы

стохастической музыки. Некое журчание, учитывающее доли процентов.

Прислали фотографии ашрамов. Есть несколько вариантов. Вообще, довольно удивительно, что нам без проблем позволяют снимать игровую картину в настоящих действующих ашрамах. Вероятно, здесь играет роль доверие, местные коллеги объясняют настоятелям ашрамов, что я с трепетом и почтением отношусь к их традициям и ничего зазорного там сниматься не будет. Так и есть. Но просто представляю, как сложно было бы организовать съемку в нашем монастыре или скиту, тем более режиссеру из другой культуры.

Ашрамы кондовые, как с открыток. Когда-то, лет тридцать назад, у меня была мечта засесть в одном из таких на годы, заниматься медитациями и санскритом день за днем, ни на что не отвлекаясь.

По сути это было реализовано в 2003-м, тот год, проведенный в Аллахабаде, стал для меня ключевым. День за днем, не отвлекаясь, в белых стенах, в громких птицах. И сейчас собираюсь вернуться туда, только несколько с другой стороны, со стороны сна. Прийти в ашрам, заполненный адептами и джиннами, погрузиться в призрачную сказку. Все это не может быть реальным, это снится, но что-то позволяет не расплескивать увиденное и проносить в следующие дни.

Итак, у нас будет три съемочных дня в ашраме, нужно показать за эти три дня закрытое своеобразие.

Ашрам – тридевятое царство, куда долго и упорно бредет герой со своим другом. Они уже сами не понимают, зачем туда направляются, и идут скорее потому, что надо куда-то идти.

В ашраме все заполнено чудесными звуками, там птицы поют иные песни, люди прислушиваются и подмечают скрытые звучания.

(И Фома Аквинский, и еще много кто... говорили о трех временах: времени нашем, времени духовном (вечности) и промежуточном. В промежуточном обитают ангелы. А может, и птицы.)

17 ноября

Приснилось, что застрял в Пустошке, пытаюсь купить билет на поезд в Москву и не получается. Все женщины на вокзале в косынках, кружевных снежных одеяниях, смотрю на них и прикидываю, какой же сегодня церковный праздник, и почему они едут на службу или со службы на поезде.

Туманные обочины, раннее утро, стайка смиренных сектантов бредет, спокойно смотрит на могилки, выходит из кладбищенских ворот, исчезает в остывшем дворе. Они собираются на квартирах, молятся по-своему часами, читают писания. Мужики постные, бородатые, а женщины укутанные, с милыми лицами.

Желтая больничная стена, а за ней решетчатые окошки, люди с застывшими

улыбками. Домики рассыпаны как крошки печенья, в каждом такое окно, в окне лицо, и повсюду шепот: «смерти нет».

Утром Э. написал, что на его новой работе, в санатории, есть санитар – копия К. А если это К.? Что, если он не ушел двадцать лет назад, в эти дни, а спрятался и там теперь работает? Э. сказал, что ему страшно подойти. А если подойдет, а К. скажет: вы же не были на моих похоронах, так чего удивляетесь. Или просто намекнет, что не хотел общаться все эти двадцать лет.

Там такие места, скользящие тени, а кто бежит – не понять, вроде и никто. Пыльные волки, рычат как шумят, иногда они выше деревьев, а иногда совсем тощие.

21 ноября

Случилось удивительное. Мы не общались с М. несколько лет. Утром показалось, что он где-то здесь. Написал ему. Он ответил, что три дня назад прилетел в Индию, оказалось, что мы в полутора часах езды друг от друга. Встретились. Он рассказал, как последние два года жил в горах и ни с кем толком не общался. А три дня назад решил начать жить по-другому и приехал сюда. В общем, некий знак.

Вероятно, когда вы будете это читать, то посчитаете эти слова преувеличением. Нет, посмотрел наши переписки, мы последний раз общались два с половиной года назад, а после этого возникла тяжелая пауза, я не хотел его тревожить, не писал ничего до сегодняшнего дня.

Надо позвать М. работать над фильмом – нет сомнений.

23 ноября

Снился снег в Индии.

Здесь неподалеку на днях была выставка фильмов. В основном ничего такого, гламурные люди перемещались между стендами с плакатами. И среди них такой нервный, смешной. Подошел ко мне и пояснил, как любит СССР, дал брошюры с идеями фильмов и показал убойный артхаусный трейлер. На независимых киношников здесь смотрят как на неутомонных фриков, почти прокаженных, их сторонятся и даже опасаются. Эти люди, горящие своими идеями, ненавидят Болливуд. Думал написать, «а Болливуд ненавидит их», но нет, Болливуд не догадывается об их существовании. Вообще... есть подозрение, что каждый такой безумный режиссер содержит гораздо больше идей и стремлений, чем горстка надменных признанных кинематографистов, прогуливающих по тем же коридорам – они проплывают как усталые пингвины, а он крутится вокруг осой. Что будет, если они таки найдут единомышленников и продюсеров, снимут свои фильмы, эти фильмы победят на фестивалях, за ними начнут гоняться с просьбами об интервью, актеры ломанутся на их кастинги... Это горящее безумие станет труднее удерживать. Может, и все тогда. А может, и нет.

25 ноября

Все утро прошло в обсуждении камер и линз.

Интересно было бы заглянуть в переписки по поводу «пластики кадра», «глубинных мизансцен», «резкости», «пыльности» и всего этого? Не интересно.

Да и кино не особо кому-то интересно, если говорить по правде. Интересно участие. Под кино даже не потанцевать, тебе приходится сидеть и созерцать то, что сделано другими. Кино тяжело проживать, «своего» там не так много, удивления тоже. Это возможность пожить внутри чужого сна, причем существенное время, полтора часа. Полтора часа не заботиться о себе, а обитать в чужом сознании. Зачем? Если ты находишься в постоянном потоке участия, переписок, волнений, переживаний. Открыл телефон – и сразу действуешь, кому-то отвечаешь, а внутри фильма просто пребываешь как наблюдатель за чужим. И даже если очень громко закричишь, никто из тех, кто существует на экране, не обратит на тебя внимания, потому что они призраки, они находятся в другом времени. Ты им сочувствуешь, а они тебе нет. Но ничего... Слушать часовые симфонии еще сложнее, бродить по звуковым лабиринтам, сидя на стуле.

С текстом все по-другому. Тебе никто не навязывает время. Ты проживаешь свое время сам, поэтому и возникает легкость.

Мой собственный кинокурс связан исключительно с малыми распознаваниями. Одного кадра или идеи достаточно. Так бывает. Одного взгляда или крупняка. Общая драматургия не столь важна, как и «продуманность». Фильм – подглядывание и самое интересное в нем происходит там, где есть упущения.

Когда делали «Путешествие», держали в уме тенебризм или «живопись ночных сцен». Примерно в духе Караваджо. Выстраивание света внутри темноты. Здесь же ничего подобного не получится. Мы не сможем так ставить свет, съемки будут гораздо более стихийными, спонтанными, ясно, что будем стремиться к темным временам суток, и попробуем разглядывать там свет, но той постановочности и близко не сложится.

Мир скрыт в темноте, кто-то приходит с фонариком и разглядывает то, до чего может дотянуться. Такой принцип.

Сны без сновидений – блуждания по скрытому внутри тьмы миру. Там все есть, там столько всего, что не помыслить, выше всякого воображения. Но нет освещения. Появляется свет, появляются образы, а дальше сны...

Залезть туда, куда не добирается сознание, и еще с кинокамерой... Заснять то, что ускользает при пробуждении, что не держится вниманием, расплескивается. Тихо подсветить и поймать в камеру как в клетку. Смотрите, какая диковина, если зажмуритесь, начнете припоминать, что видели ее где-то, в глубоких детских снах, или при высокой температуре, когда закрывали глаза. Это же почти доставание предмета из сна, чем занимался Э.

Об этом, собственно, и кино. Ты сидишь, смотришь в экран, а там появляется твой

старый друг, он приходил в бреду, когда ты болел, и крутил световыми мечами перед лицом, и теперь он здесь, его можно разглядеть. А в остальном фильм – ерунда какая-то, но это не так важно, этого момента достаточно. Кто-то залез в твой старый бред и достал этого человека оттуда. Или нет, или этот бред был общим, это ты тогда залетел невесть куда и сейчас тебе об этом напоминают.

Барханы скрытых образов, сны, которые еще не снились, все это дремлет и ждет, когда кто-то придет с осветительными приборами и подсветит.

ДЕКАБРЬ

2 декабря

Ночью понял, что одна из самых интересных сцен нашей культуры – это встреча Петра и Павла. Как они встретились первый раз, какие слова сказали друг другу.

Еще пересмотрел сцены из фильма «Мираж» 83-го года. Это один из первых фильмов в четкой памяти. Мне было лет пять, когда его показали. Мы во дворе начали играть в этот фильм. Д. спрашивал, не их ли фургон стоит у дальнего подъезда, я шел, смотрел, отвечал «да, это они». А куда они ушли? Пошли прыгать со скалы. А что будем делать, если нас окружают менты? Будем отстреливаться, заберемся на крышу, и не сдадимся, если что, превратим в птиц. Еще мы сидели и представляли, как смотрим с крыши на толпы колдунов – это наша армия, у каждого свои сверхспособности, кто-то видит в темноте, кто-то проходит сквозь стены.

Недавно Э. написал, что умер мой друг детства, из того самого двора, где должны были ходить колдуны. Мы с ним как-то шли рядом детство-юность, а затем он стал отмороженным бандитом, отсидел в тюрьме, а последние годы стал потреблять тяжелые наркотики и уменьшаться в размерах. В итоге он высох, стал по телу как гномик и уснул. Второй мой друг, с которым носились по просторам, зажатым между панелек, тоже стал бандитом, его нашли в озере после очередной разборки. Он всплыл и напугал идущих мимо людей. Третьего моего друга убили на другой разборке, говорят, топором. Мы с ним ходили мимо витрин и изображали культуристов. Четвертый мой друг тоже отсидел, почернел от гера, говорят, он худой-худой, но живой, где-то скитается. Стать бандитом – это стать частью Миража. Можно ходить в гангстерской шляпе. Иногда по ночам я смотрю видео тех мест. Это очень больно. Понимаю, что никогда больше там не побываю.

На самом деле, меня не интересовала эта гангстерская сторона Миража. Интересовала эзотерика, возможность того, что их фургон окажется в нашем дворе.

Попросил Олега прислать что-нибудь близкое к вагнеровскому блужданию. Он прислал удивительную свою композицию... она настолько парящая, ускользающая, как обезумевший ветерок, по песку, по волосам, по глазам, чуть туда, и дальше... в общее дыхание, еле заметные улыбки на нежных женских лицах. Человек очень хрупок, не нужны никакие ракеты, чтобы его поломать, он и без того рассыпается от осознания себя, от чувства себя во времени, от своей же памяти.

(Здесь если остается крошка или какой-то мелкий кусок еды, или пятно, быстро образуется дорожка из тысяч муравьев. Они устраивают целое производство, завод по добыче полезных ископаемых, с прорабами, бригадирами, наверняка и со своей бухгалтерией. У них, возможно, есть своя бюрократия и рассуждения об оптимальности процессов.

Нам интересно забытое. В наших забытых снах содержатся тайны.)

4 декабря.

Варанаси. Пробуду здесь полтора месяца или чуть больше.

Запись 5 апреля 2013 года:

«Снилось сегодня, что вожу друзей по Варанаси, показываю им какие-то тайные храмы. Это тоже сон, который повторяется. Близкий сюжет и одно и то же осознание. Приезжаем в Варанаси. Со мной друзья (они практически каждый раз разные), они хотят посмотреть некий тайный храм, где делаются ритуалы. Мы идем, прорываемся сквозь толпы непонятных людей, коров, гирлянд, общего хаоса, заходим в храм, где присутствует сырость в воздухе, и там... Когда просыпаюсь, то понимаю, что это снилось не Варанаси совсем, – в физическом Варанаси нет таких мест.»

Да, не сосчитать, сколько раз видел этот сон.

М. собрался на випассану в Нагпур, а оттуда сразу к нам.

Сегодня меня позвали на съемки местного сериала, просто заценить, как у них идет процесс. Мы поплыли на лодке на тот берег, там человек сто, краны, рельсы, генераторы, приборы, мониторы. И такая сцена. По берегу грустно бредет красавица в оранжевом сари. Начали. Она бредет-бредет, играет музыка, ситара, все как надо, и тут к берегу медленно подплывает кораблик размером с двухэтажный дом, весь в лампочках, светящийся, с пафосным челом на палубе. Чел стоит с прямой спиной и уверенным взглядом, под эту музыку направляется к красавице. Чел немного потрепанный, но мало ли. Такие алые паруса. И вся группа как загипнотизированная наблюдает за тем, как она идет, а он подплывает. Но как только светящийся корабль вплыл в кадр, местный продакшн как будто вышел из транса, люди подскочили к берегу и начали махать руками, чтобы он сваливал. Оказывается, в кадре корабль не предполагался. Это чел сам увидел грустную красавицу, не выдержал и поплыл, игнорируя всю сотню человек и камеры вокруг.

Черная коза стояла на коленях и поедала лепестки, облизывая землю как тарелку.

Еще мне начали рассказывать о разборках в Варанаси. Нет, не братва, а такие бродяги Дхармы, унесенные ветром кремаций. Но я не могу все это здесь описывать, потому что не могу раскрывать тайны других людей. Реально же, можно располагаться на диване и писать книгу. Менты, агхори, бродяги, русские в местных тюрьмах, обмороки, лбы, помазанные красной краской. Худые трясущиеся люди с горящими

глазами.

Здесь много персонажей, которые забуряются сюда на месяцы или годы, погружаются во вневременной трип под звуки колоколов.

6 декабря

Мы поселились недалеко от Асси Гхата, на четвертом этаже. В самой романтике дымного неба. За окном белые коробочки и воздушные змеи, не дерево, а гигантская палка, идущая в небо и бредовое беспокойство. Внизу красный храм с флажками, именно к нему и подсоединили провода, чтобы провести нам интернет. Храм Кали, кстати.

Здесь в квартире отдельная комната с алтарем тоже Кали. Мы ее закрыли, не будем без надобности заходить.

А еще в этой квартире на стене две одинаковые картины. Первый раз такое вижу.

В пять утра начались нашиды, еще пуджи, вся местность заполнилась удивительным звучанием, а окна старые, никаких стеклопакетов, когда долго живешь с другой звукоизоляцией, подобное звучание последи ночи представляется так, будто в комнате кто-то включил пластинки на всю громкость. Лежишь, спишь, кто-то заходит и начинает петь на ухо. Еще гудки машин, словно в пять утра уже образовалась хаотичная пробка под окном, кукареканье петухов, крики, скрипы, визги, поп-мелодии из колонок. Уже забыл, как так живет. В наших городах мы закрыты в своей тишине – она привычна, как и домашнее тепло.

Посмотрел с балкона на землю, там закутанные люди, они так и сидели всю ночь, и не только эту ночь. Пройдет еще недели две и ночные улицы заполнятся кострами, не кремационными – они чуть дальше, а обычными, чтобы греться. Огонь мягкий и спокойный.

Позвонил М., сказал, что там в Нагпуре как тюрьма, только добрая, камеры со шконками, но все равно он сомневается, оставаться ли. Вскоре он перезвонил, и добавил, что решил таки остаться там. Пожелал ему хорошей медитации. Выйдет оттуда просветленным, сядет на поезд и приедет к нам.

Поехали по городу на мотоцикле, движение похоже на перемещение кофейной гущи в чашке, как все это не сталкивается и не взрывается не понимают даже местные. Лошади, коровы, козы, мотоциклы, все в едином потоке, причем в разные стороны.

Приехали домой к музыкальному гуру, который будет играть собственно музыкального гуру. Он рассказал, как его занятия музыкой исцелили женщину. Она пришла к нему после потери памяти, не помнила ни своего имени, ни имени мужа, а спустя пару месяцев занятий музыкой, все вспомнила. Были и другие похожие моменты. Гуру рассказал о связи состояния «внутри» и звука. Это очень близко к тому, что я сам понял, ну в связи с сентябрьским трипом. Но у него все четче, традиционнее.

Затем мы приехали в ашрам. Это настоящий ашрам, где живут нагбабы, красные ворота и тайна. Там и будем снимать. Несколько уровней, крыши, лабиринты и комнаты без окон. Чудесные места, только нет фонарей, придется тащить свои и добавлять костры.

8 декабря

Такой озноб как сейчас бывает только в этих местах, помню его с 2002-го года. Тело слегка трясет, но не как при простуде, скорее пыль с дорог и кремаций чуть оседает и вызывает эту дрожь. И именно в этих состояниях приходит понимание, что все можно мыслить по-другому, все знаки, все перемещения, цвет зданий, дороги, концепции. Похоже на трип с высвечиванием корней событий и явлений, языков и впечатлений.

И что видится отсюда?

Как и с музыкой, некая единая структура всего, от прикосновений к которой и появляется озноб (кстати, сегодня О.Г. прислал «Формализованную музыку» Ксенакиса).

У меня не получилось передать эти ощущения никаким способом. Про грамматические ядра, связывающие языки и музыку и лежащие в том времени, когда музыка и язык еще не разделялись.

10 декабря

Когда-то уже писал про здешних собак. Днем и ночью они живут по-разному. Днем они забиты, тихи, как обдолбаны. Где-то проскулят, где-то пробегут и спрячутся. А по ночам они соединяются в стаи и носятся с воплями. То ли в экстазе, то ли в ужасе. Около пяти утра, под моим окном. По звукам кажется, что их переезжают катком, они режут, не жалея глоток, но ничего подобного, они просто закручиваются вихрями и наслаждаются ночным существованием. Может, из ночного дыма лепится их общее тело, они в него заныряют и угарают.

Вчера прописывал сцены кораблика. Там есть такой эпизод, человек просит, чтобы его держали за руку, иначе его утянет куда-то, он как будто над обрывом.

Ночью под окном случился местный махач. Хотя это трудно назвать махачем, здесь нет культуры драки, здесь они смешно толкаются и не знают как бить. Буянил чел, его успокаивали, в итоге пришла женщина с грудным ребенком на руках и загнала его куда-то за занавеску под крики толпы. Собаки радостно бегали посреди людей, тоже как бы принимая участие в заварушке, люди кричали друг на друга, кто-то хватался за стулья, но не для того, чтобы ими кидаться, а чтобы отскакивать от толпы и на них садиться – такое действие.

12 декабря

Сегодня ездили в Чунар, смотреть локации. Пришли в полицейский участок. Там спал

мент на втором этаже, а так, все свободно: камеры с решетками, старые книги, паутина. Будем там снимать.

Местные часто общаются на бходжпури. Парнаам, ка хал ба... я вообще выпадаю, иногда можно догадываться, выдергивая понятные слова из хинди, но в целом, когда говорят быстро, все это сливается в непонятную мешанину. Это именно здесь, на востоке УП, еще в Бихаре.

13 декабря

Весной вернулся в места, где не был двадцать лет. Показалось, что домики уменьшились, улицы сжались. Все узнаваемо... но время будто сморщило всю местность.

Практически все фрагменты фильмов, впечатлявшие в детстве, при пересмотре спустя десятки лет, приводят к разочарованиям. Что-то случилось. То ли с ними, то ли с восприятием.

Сегодня мы ездили в Рамнагар, бродили по песку в темноте. Кажется, местные не понимают, что мы собираемся снимать, они рады помогать в любом безумии, но наши задачи часто вызывают у них переглядывания.

Три ночи подряд снились одни образы, индийские женщины стояли в полутьме, звучало нечто смешанное, и было ощущение, что это и есть кино. Этого достаточно для передачи обычно ускользающего чувства.

Вот они, десять драматических конструкций. Дашарупака. Примерно. Это примерно. Вся драматургия. Примерно.

Nataka.

Историческая личность, типа царя, и его любовь. Царь и куртизанка. Царь и простолюдинка. Много актов. Перипетии и приключения. Шакунтала, Сказка о царе Салтане.

Prakarana.

Такая же мелодрама, с большим числом актов, только не о царе. Брамин и куртизанка.

Bhana.

Одноактовый монолог мошенника.

Prahasana.

Одноактовая комедия. Типа стендапа. Нелепый человек выходит в мир – всем смешно.

Dima.

Феи, демоны, превращения, волшебные сундуки. Четыре акта.

Vuayoga.

Мужские разборки. Один акт. Бумер.

Samavakara.

Боевик с участием волшебных существ. Три акта.

Anka.

Трагедия. Один акт. Сострадание как основное состояние. Жаль героя.

Ihamrga.

Четыре акта. Волшебник преследует волшебницу, ускользающую как лань. Может, этим занимается кто-то в своих снах, а затем оказывается, что есть еще один персонаж, преследующий ту же красавицу в снах. Им придется сойтись и выяснить отношения.

Veethi.

Один акт. Малофигурная любовная драма. Любовные треугольники. Диалоги. Выяснения отношений.

Рамнагар рыжий.

Ланка зеленая.

Белпур голубой.

15 декабря

Есть же режимы яркости на экранах. И здесь кажется, что какой-то смотрящий, некий гигантский ниваси, включил самые интенсивные режимы, и показывает реальность такой яркой, насколько это возможно. Если оранжевый, то жгуче-оранжевый, и так со всеми красками. Подкрутили яркость, контраст. Да и со звуками так же, кажется, что все громче. И с запахами, и с вкусами. Если что-то ядреное, то такое, от которого приходится прыгать на месте и в слезах махать руками, как растерянная птица, пытающаяся взлететь. Рано-рано утром здесь проносятся грузовики. И как так получается, что звук прям оглушает. Спишь или нет, по ушам бьет как взрывом. А это просто люди едут на работу. Ночи перевязаны гирляндами лампочек, все сверкает и мельтешит. Взгляды-крики, вспышки, колонки, свадьбы, наряды, пуджи.

Итак, мне 14, мы идем по песчаной дороге с Э., смотрим на дымное небо, подъезжает человек на велосипеде, говорит, что мне стоит заняться медитацией. Дальше начинается весь этот трип, раскручивается как колотушка в руке уличного торговца, головой в пряности, уже все... ты теперь как коза на кремациях, осыпанная красной

охрой. В глазах горят жертвенные костры, порхают мотыльки, а на ухо кто-то орет. Может, ничего этого нет, мы закрылись на хате в родном районе, закутались в одеяла, надышались пылью, сейчас вынырнем и как рыбы похлопаем ртами «вот это была тема».

Показываю фильмы Тарковского болливудским актерам. Посмотрите, как там существует время. Это совсем «иное» для них. Но им интересно.

[Краткий конспект того, что сказал Олег для джиннов.

У Мессиана была своя система ладов. Опорная точка в музыкальной истории – папа Григорий первый, он собрал лады. Когда Григорий надиктовывал ладовые правила, тот, кто эти правила записывал на бумаге, не понимал, почему вся эта диктовка проходит с непонятными паузами – он выглянул из-за ширмы и увидел, что на плече у Григория сидит птица и подсказывает, что говорить. Самая важная работа Мессиана посвящена Франциску. Мелодия в григорианских хорах шла от текстов. Музыка создавала сакральное измерение для текста. Позже мелодия перестала быть вокальной.

В музыке пауза важнее нот. 20-й век – феноменологическая редукция, отбрасывание слоев. Без музыки человеку трудно быть человеком, он хочет петь, что-нибудь настукивать или ритмически двигаться.]

На той стороне железной дороги какое-то все не такое уютное.

М. вышел из доброй тюрьмы и послезавтра приедет сюда.

Л. прилетит через четыре дня.

Мы встретимся в южном Варанаси. И начнем.

18 декабря.

Событие, как правило, дает проживать время только через себя. Оно зажимает время собой. Поэтому, когда кадры забиты событиями, время может проживаться слишком узко. Вот так, а не иначе.

События снимать и показывать легко.

Мы будем показывать не события, а музыку, чтобы она разглядывалась глазами. Даже не так, мы займемся оттенками звучаний.

Съемки начнутся через неделю с красной двери. Эта красная дверь – переход в «иное», место, за которым отношение к звуку как к живому существу.

Сегодня пришли местные художники, мы часа четыре обсуждали детали съемок. На хинди. Сложные вещи не получается объяснять, какие-то нюансы типа разглядывания и подсвечивания, но в целом все понятно. Они немного удивляются задачам.

Женщина в маске лисы в желтом платье плывет на лодке. Два таза с кострами. Люди с лопатами. А еще скоро приедет знакомый агхори, хочется найти для него комнату, чтобы не ночевал на кремациях, а то зима.

Этот город сделан из дыма и песка. И все слегка помазано гарью. Здесь и холодно, и тепло одновременно, все охвачено туманной подвижностью. Заниматься в этих местах постановочностью – как-то нелепо, вместо этого хочется быть свидетелем существования. Смотришь на происходящее – и этого достаточно, не надо ничего притаскивать, не надо захламлять. Через неделю мы придем к красной двери, сложим вместе наши намерения и начнем снимать кино. Дальше все понесется как в трансе, в скоростном поезде, мчащемся по длинному туннелю, когда вынырнем обратно, у нас уже будет все готово. Мы скажем, что сняли интересное кино.

Приехал М. после доброй тюрьмы, сказал, что это даже не тюрьма, а дурка. Сначала там приходит человек в белом и задает вопросы, он похож на врача, ввинчивается взглядом и выясняет, зачем приехал. Затем они забирают паспорт и телефон и селят тебя в камере. Подъем в четыре утра. Весь день только медитация. Спать в десять. Четыре утра. Медитация. Медитация. Подъем. Медитация. Такая жизнь.

Мы прошли по извилинам города, М. сказал, что все сильно изменилось. А именно, теплый свет заменили на холодный. Другие лампы везде, другой тип освещения.

М. рассказал, как его дважды зарывали под землю. Первый раз это длилось полчаса, а второй раз три часа. Присутствовал К., кстати – все увязывается в один клубок... Один раз его зарыли в лесу, а на небе образовалось облако в виде дракона. Облако начало приближаться к месту, где он лежал – это рассказали те, кто остались там стоять и ждать, – не как обычно облака проплывают в сторону, а будто опускаясь. Воздушный дракон словно захотел клонуть его, лежащего под землей. Но в какой-то момент появилось другое облако в виде медведя и вытолкнуло дракона. Второй раз его зарыли под домом. И, как М. говорит, это была ошибка. Лучше не зарываться в местах, где была история и есть общая память места. Он почувствовал то, что происходило в этом доме, а также то, что было в другом доме, построенном на этом же месте еще раньше. Когда тебя закапывают в землю и тело становится неподвижным, память места сплетается с памятью человека и начинает действовать. Еще важно преодолеть первую панику. Тело понимает, что не может действовать и посылает сознанию панический импульс. Типа все, надо кричать.

Еще М. сказал, что если выбирать для себя место в лесу, для закапывания в смысле, надо остерегаться окоп, а то под землей вполне можно пережить ужас войны.

21 декабря

Сегодня во сне кто-то на ухо четко произнес: «земля без перьев как косяк без травы». И показалось, что это какая-то мудрость. Наверное, неприкаянная душа почившего здесь наркомана залетела в форточку.

Та девочка, что сидела на песке рядом с агхори-ашрамом и нюхала клей, теперь там же торгует одеялами. Она повзрослела, теперь у нее такой жесткий черный взгляд. Но

там, около того ашрама, теперь другие дети с пакетами. Они надувают пакеты и закрывают глаза, как у нас во дворе в 91-м.

Тот храм внизу, откуда провели интернет, это храм Гухья Кали и вообще тантрический тайник, что там за ритуалы, непонятно. М. говорит, что здесь одно из самых пыльных мест во всем Варанаси. Пыль, гарь, летающие призраки, тайные пуджи...

Вы идете по улице. Представьте просто. Кто-то подходит с тряпкой, пропитанной жидкостью для наркоза, прижимает ее к вашему лицу, вы падаете ему же на руки и засыпаете. Здесь так, кто-то невидимый подносит к лицу теплый прожженный воздух, и все. Только это не совсем сон, можно все отмечать, за всем наблюдать, но не как в обычной жизни.

Еще М. сказал интересную вещь. Фонари на улицах будут задавать движение камеры, их ведь невозможно перекрыть, их слишком много, они слишком стихийны, они и будут снимать кино. Свет будет снимать свой фильм.

22 декабря

М. рассказал о подземном Варанаси. Есть такая легенда, что под землей есть еще один город, и там живут люди, в основном альбиносы, они не видят солнца. И однажды М. шел по гхатам, за Маникарникой, и увидел девочку с белым лицом и светлыми волосами. Он ее окликнул, она обернулась. Ее глаза оказались сиреневыми, нечеловеческими. Она эти глазами заморозила М., он не смог шевелиться. Когда он отошел, стал спрашивать местных лавочников, кто это такая, но никто не понял, о ком идет речь. И еще раз М. повторил: глаза нечеловеческие, и цвет, и форма.

Варанси за последние годы раскрасился в ядовитые цвета, особенно к северу, стены разграфичены, типа подмигивающий Шива, веселый Ганеша. Все это похоже на психоделический детский сад. Только в детском саду на стенках улыбающиеся жирафы, а тут персонажи мифологии.

Говорят, есть такие опьяняющие вещества. Они погружают в мультик, который ты якобы видел в детстве. Ты оказываешься там, в том времени, только по другую сторону экрана.

Зашли в подвал, где будем снимать 2-го января, там весь потолок облеплен летучими мышами. Они посвистывают, юркают в черные дыры в стенах.

Гуру ашрама в шафрановых одеждах, с малами на шее, с бородой и горящими глазами. Этот аскетичный человек, живущий в этом ашраме не первый десяток лет — он уступает нам свою комнату для съемок! Говорит «снимайте». Снимайте кино.

Освещение и заклинание — они создают кино.

26 декабря

Через два часа начинаем съемки. А я заболел, голос почти пропал, как общаться

сегодня?

В общем, я провел день в бреду. Костры, поющие люди, кадры из фильма... показалось, что никакой фильм мы не снимаем, есть некий лабиринт, связанный с музыкой, по нему я бегаяю, улицы Варанаси – это внешнее преккрытие перемешанных тропинок, построенных в соединении музыки и психики. Это трип в сторону иной чувствительности. Мы, действительно, что-то снимаем? Подошел реальный гуру ашрама, сказал, что тоже хочет сняться у нас, сыграть на таблах. Не проблема.

С нами мисс Индия Манасви и восходящая звезда Болливуда Вьом. Спросил его, как работалось с Шахрукхом, он ответил, что отлично, что ШРК классный чел, про него много что говорят, но все было норм. Мне на хинди говорить гораздо легче, чем по-английски. Когда говорю по-английски, будто ломаю язык, мне не хочется говорить хорошо и правильно, а на хинди получается гораздо быстрее. Со мной там все также общаются на хинди, но иногда я не понимаю некоторые слова... Манасви и Вьом замечательные, они чуткие, внимательные, они вслушиваются, пытаются понять, что происходит и влиться в общий ритм. Просто хочется, чтобы у них все сложилось.

Мне все хотят помочь, дают лекарства, я принимаю все, что они приносят, всякие аюрведические напитки, колеса, Манасви тоже принесла какую-то упаковку и сказала, что нужно это выпить. Л. тоже сделал раствор, М. дал вьетнамскую звездочку как из детства. Уже неловко, что мое состояние занимает столько внимания.

Как уснуть – снова непонятно. Закрываю глаза, начинается бред, костры в черноте, песни джиннов, взгляды, какие-то объявления в газетах, связанные с музыкой. Прихожу куда-то по объявлению, здесь обучают музыке, но оказывается, это съемочная площадка, все снимают фильм. Говорят мне «подожди», посиди, сейчас начнем. Потом подходит местный продакшн, задает вопросы на хинди, оказывается, я и есть режиссер этого фильма. А что было за объявление в газете? Уроки музыки. Нет, тут кино. Ты сам и снимаешь его. А что за лабиринт? Ну, такой город, ты сам сюда приехал и должен быть счастлив, такой бред не так часто удастся прожить.

Сейчас полшестого утра, не понимаю, как спать, скоро все начнется заново, волшебный ашрам, покрашенный в красный цвет, костры с искрами и ритуальные танцы. Спасибо всем, кто помогает, это, действительно, странная жизнь.

Сон приходит из приятной усталости. Но приятной усталости надо добиться. Кино приходит из того же. А иначе это не сон, а трип с повреждением нервов.

Жизненность скрепляет фрагменты ощущений. Как и ритм. Может, это близкие понятия. Это то, что собирает вместе и вдыхает жизнь.

28 декабря

Вчера мы снимали в ночи сцену танца в ашраме. При кострах люди водили хороводы, звучали гимны и колокольчики. Местные стояли, улыбались, говорили, что это их культура. Нет ничего надуманного, просто экстатическое существование. Один чел в кепке вообще вошел в раж и пустился в пляс. После съемок подошел гуру и сказал,

что он приедет, куда я его позову, не обязательно в Варанаси. Если нужна помощь, маякни типа, приеду. Они все чувствуют мое искреннее уважение и отвечают взаимностью. Не знаю даже, если бы приехал какой-нибудь другой русский реж, но не говорящий на хинди и не знающий местных традиций, как бы все сложилось. Кажется, никак.

Манасви спросила, почему я решил снять фильм про джиннов. Ответил, что много работал над сериалом летом, надорвал нервную систему, внутри панических атак переосмыслил музыку – из-за этого и решил снять фильм.

Сейчас мы пройдем через дым, пыль и спящих собак, откроем ворота ашрама и снимем новые сцены. Их еще не существует, они проявятся сегодня. Это самый реальный реализм.

Еще увидел человека на улице. Он брел и тащил за собой булыжник на веревке. Бессмысленный на вид булыжник. Как аскеза, чтобы было не так легко жить.

“Сегодня, 28 декабря, здесь, в Варанаси, пришло понимание кое-чего, и это понимание можно записать как «эстетический манифест».

Кино – это показывание проживания времени призраков, то есть показывание проживания прошлого или того, что «было». Что такое «было» – это очень-очень трудно пояснить. «Было» – кажется, Ницше или кто-то еще об этом «было» исписывает десятки страниц, уже не помню. Но оно «было». А чего-то «не было». И постановочное кино часто обманывает зрителя, выдает то, чего «не было» за то, что «было». Ради чего? Просто ради нужного впечатления. Человек, следуя паттернам и глобальным привычкам, позволяет своим чувствам плыть по нужным траекториям. Но этого не «было». Эта сцена склеивалась из множества дублей, из разных крупностей, из досъема деталей, реакция, которую мы видим в кадре – это не реакция на ту реплику, что мы услышали, а просто реж попросил актрису еще раз посмеяться, когда начнется съемка. И она смеется потому, что так обучена, ну и еще у нее есть харизма, которой умело управляют. Но это не «было».

Дальше еще несколько страниц... в итоге я понял, что сам не соответствую своему эстетическому манифесту и все это удалил. Ну в «Любви» – почти-почти, хотя тоже есть монтажная обманка.

О чем там говорилось? Там был призыв делать каждую сцену одним кадром, с внутрикадровым монтажом и возможными джамп-катами (вполне сновидческая тема, мы из существования убираем лишнее). При этом недопустима склейка одной сцены из разных дублей, потому что это не проживалось. Похоже на сны и театр. Недопустима переозвучка, накладывание посторонних звуков, которых не было. Допустима музыка – как явный иной слой, но недопустима имитация звучания музыки в сцене, если она там не звучала. Если для проявления чистой жизненности надо сделать 30-40 дублей – пусть так и будет, но нужно, чтобы там все проживалось как есть.

Действительно, 28 декабря меня будто накрыло каким-то пониманием, я всех там

забубнил своими идеями, с хрипом и кашлем. Ходил и пояснял за новую эстетику, перекрикивая громкую музыку. Потом успокоился и затих, как усталый зверек, глядящий из норки.

30 декабря

Вчера был день чаматкари бакри.

Подошел помощник перед съемками и спросил, можем ли мы провести пуджу для хороших съемок сегодня. Ответил ему, что мы не будем в этом участвовать, потому что из другой традиции, но они могут делать то, что считают нужным, мы уважаем их темы. Вскоре прибежал наш механик с большими глазами и сказал, что там за углом «освещают» камеру, укуривают ее благовониями, шепчут мантры.

Затем на площадке появился крепкий человек в темном спортивном костюме, с горящими глазами. Он подходил к людям, становился близко-близко, практически касаясь. И застывал так, просверливая взглядом. От него тактично отшатывались, он снова подплывал и застывал. Манасви спросила, кто он такой и не может ли отойти подальше, а то у людей так не принято. Он отошел на метр и стал разглядывать нас оттуда. Когда стемнело, ничего не изменилось, он продолжил перемещаться за нами как пугающий призрак. Спросил у местных, кто это, никто особо не оказался в курсе. Кто-то ответил, что это мент, но он нас не охраняет, а чисто интересуется – от этого стало чуть еще беспокойнее. Сам же он не сказал ни одного слова.

Стоишь ты, думаешь о своем, а у тебя за плечом такой чел. Замечаешь его, отходишь на пару метров, он остается сначала смотреть на тебя со стороны, но вскоре снова подваливает и фиксируется у тебя за плечом. Смотришь ему в глаза – он смотри на тебя, и кажется, что может смотреть так бесконечно. Вчера съемки длились ну сколько... часов шесть-семь, он все время там присутствовал как дух местности.

Если сегодня он снова появится, надо будет его запустить в кадр, что бы там не происходило, пусть присутствует.

Для меня заваривают в кастрюле ядреную жидкость, приносят и почти каждый раз поясняют, что много ее пить нельзя, это лекарство, нужно чуть-чуть, иначе... Она вылечит и горло, и все.

ЯНВАРЬ

1 января

В ночи помолились как и в прошлом году. На Шивала Гхате.

Утром А. поехал в тюрьму, там русские, надо передать им вещи и деньги. Дал ему свою мобилу с индийской симкой, на всякий случай. И еще он передаст мою книжку, которую взял зачем-то с собой в поездку.

Начинаем новый год с надеждой.

4 января

Самый тяжелый съемочный день, хотелось уйти оттуда и не возвращаться. Вообще не хочу больше снимать в северном Варанаси. На юге все мягкое, а на севере кажется, что даже животные по-другому себя ведут. Они будто опьянены кремационным дымом.

То Варанаси, что здесь, построено около малых храмов и БХУ. А БХУ – это залежи древних знаний, неподнимаемые пыльные пласты тайн и загадок, санскритской поэзии и теории эстетики, всего того, что здесь наслаивалось веками. Светлое, песочное, тихое. Тихие спрятанные теории всего. У нас на проекте художники из БХУ, они внимательные, им очень нравится то, что происходит. Мы уже не первый год работаем.

Ночью просыпаюсь в состоянии сильной болезни, будто температура и бред. А утром, внезапно, все нормально, здоров и свеж. Так несколько ночей уже.

7 января

В ночи у нас был молебен, недалеко от Шивала Гхата, в узких улочках, там, где нарисованы рыбы на стенах. Помолились, поздравили друг друга с Рождеством. Индийские товарищи отметили, что наши молитвы по звучности похожи на санскритские мантры. Что на что похоже в этом мире – непонятно. Схожесть – узнавание, на нем строится кино.

Под конец января здесь уже потеплеет, а сейчас мы спим под двумя одеялами, ходим и трясемся, даже в куртках. Кровать жесткая, все зяблое, белье не сохнет, а подгнивает... и морок туда-сюда, в глубь местной грусти и обратно. Здесь нет центрального отопления, поэтому каждый год приходится проживать зиму так.

На дорожках мелом начерчены янтры. Разные, даже сложные. Был бы у меня смартфон, поплутал бы с неделю – можно написать хорошее исследование по янтрам, но не храмовым, а бытовым, тем, что рисуются у домов и на стенах. Магические защитные картинки как карты путешествий. Здесь. Около рассыпающихся домов, около закутанных в шарфы, греющихся у костров, людей. У них интересные вариации. Рядом с помпезным тантрическим ашрамом может оказаться нечто более хтоническое и загадочное – какая-нибудь янтра из тетрадок бенгальских бабушек, которую никто в округе больше не рисует.

Интересно, как местные бхуты, якши, дакини восприняли наш ночной молебен. Зашли люди и прочли свои молитвы, во дворике с нарисованными рыбами и с янтрами на земле. Наверное, они похлопали своими неземными глазами, шепнули друг другу, что не понимают ничего, но происходит что-то интересное. Это мы залетные, а они местные.

Здесь легко прийти к какому-то пониманию, которое неведь зачем доносить до внешнего мира. Сидишь, кутаешься, дышишь всем этим, понимаешь что-то. Будь то системы знаков, голоса, или древние тексты. Как и при выныривании из сна, все эти осознания могут оказаться бредом, но пока ты здесь, все работает.

Днями просматриваю музыкальные отрывки из советских фильмов конца 70-х и начала 80-х. Музыка Раймонда Паулса иногда сливается со звуками пуджи в храме Кали, с колоколами и песнопениями. В этих смешанных звучаниях хранятся тайны вспыхивающих цивилизаций, сказочных сюжетов и направлений живописи. Или песни Юрия Антонова типа мечты сбываются, в обрамлении доносящихся битов из кривых туктуков. И вопли за окном, и лай, и мантры – все это в каком-то вневременном счастье.

8 января

Утром О.Г. прислал цитату из Головина:

«Орфическая музыкальная традиция вообще утверждает, что нет болезней, неподвластных музыке..... Стыдно признаваться! Музыка перестала действовать даже на пустяковые царапины.»

Там про таблицы соответствий музыкальных инструментов и болезней...

За окном снова звуки пуджи в тантрическом храме, а с компа играет Юрий Антонов.

Завтрак на траве, Берегите женщин, Выше радуги. И вечерние пуджи. Как будто варится отвар и им заполняется темная река. Эстрада 80-х заливается ритуальной тантра-мантрой.

9 января

Сегодня на съемки заехал пафосный чел на мотоцикле, типа вы кто такие, у вас есть разрешение снимать? Оказалось, что отец района. Да, все есть, все официально. От правительств и министерств. Уехал, все норм.

Местный пряный воздух наполняет легкие, его дышишь как пьешь.

Замки и рассыпанные дворцы обмениваются сообщениями через летучих мышей.

Почему-то нигде не встречал упоминания летучих мышей в Варанаси, а их здесь тьма. Они юркают из дыр в дыры, перемещаются внутри пор, прикрепляются к стенам и засыпают. Битвы и интриги между замками, царскими династиями, всякие наследства, золото-серебро – это все их сны, или кино, что они смотрят в зрительном зале.

В каждом нашем фильме есть свои животные. В этом будут они.

14 января

За окном творится что-то совсем стихийное. Маленькие домики с колонками, на крышах дети с патангами, из колонок доносится поп-музыка, на такой громкости, что не помогают двери балкона. Как будто это играет прямо из компа или в наушниках. Люди бегают по дороге вместе с собаками, радуются, дети визжат. Коллективный экстаз. Уже пять часов подряд. А, ясно, сегодня же Макар Сакранти, они празднуют. Уже семь часов подряд. Не знаю, почему я столько лет в этих местах. Наверное потому, что люблю Варанаси и окрестности.

Здесь есть такие казино на полянках, кучки по десять-двадцать человек, кто-то берет деньги и ведет игру, внутри сидят и лупятся во что-то. Мы недавно снимали на пустыре, приехали менты, и такая кучка, сидевшая у ворот, дернулась в миг и растворилась, люди попрыгали за заборы. Менты недовольно прошлись с палками, поглазели. По пустырям и полянам разбросаны карты – именно поэтому.

26 января

В ночи. В клубе. Хотя, наверное, это был не клуб, а корабль призрак, запутавшийся в разноцветных лучах. Было 15 диджеев, включая какая-то французских резидентов почетных клубов. Ко мне подходили незнакомые люди, благодарили и что-то дарили: кто хлеб с сухариками, кто майку.

Танцоры шлепались о землю, подлетали обратно. В один момент показалось, что появилась неведомая музыка, в том смысле, как объяснял Олег, с непонятным источником. Когда слышишь нечто, и это не клавишин, и это не скрипка, и это не биты, это плывущее звучание в воздухе. Наверное, песня джинна. Песни джинов нераспознаваемы, оттого и интересны. У них не духовые-струнные-ударные, а просторы-лабиринты-реки.

Так мы завершили съемки нашего фильма.

Песни джинов на просторе.

Песни джинов в лабиринтах.

Песни джинов у реки.

Песни джинов у костров.

Или. 1. Просторы. 2. Лабиринты. 3. Реки. 4. Костры.

Попробовал научить индийских актеров фразе на русском «Мир и благодать Господа нашего да пребудут с вами». В итоге они выучили только «благословений вам».

Все, что происходило последнюю неделю, походило на страннейший трип в плавающем воздухе.

В ночи я сворачивал матрас с лампочками. Лампочки были воткнуты так, что на него не лечь, скорее всего его кто-то накидывал на спину и бродил так с ним для общей

подсветки.

На корабле появляется Дед Мороз с рупором и поет песню на слова Хлебникова про шум ночной осоки. Я вернусь в Индию, когда наступит новая осень, вместе с хмурыми птицами. Там солнце не будет жечь глаза, а уличный дым заполнять дыхание, как обычно. Будет холодно и тепло одновременно, и очень странно, как всегда. Мы засядем в нашей квартире в Варанаси и примемся планировать кино.